

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

1997

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. М. Буланин. Дмитрий Сергеевич Лихачев и русская культура конца двадцатого века	3
О. И. Федотов. О метрическом составе «Песен западных славян»	14
Н. Н. Мостовская. «Пушкинское» в творчестве Тургенева	28
Е. К. Ромодановская. К вопросу об источниках «Сказания о гордом царе Аггее» В. М. Гаршина	38
Р. Н. Поддубная (Украина). Музыка и фантастика в русской литературе XIX века (развитие сквозных мотивов)	48
С. Ю. Ясенский. Проблематика свободы воли в новеллистике Брюсова и Андреева Рита Джулиани (Италия). Л. Н. Андреев и Октябрьская революция, или Революция как Апокалипсис	66 78

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. И. Сахаров. Масонские оды П. И. Голенищева-Кутузова и Н. Ф. Остолопова	94
Ф. А. Раскольников (США). Поэт и политик в пушкинском «Арионе»	102
И. В. Лукьянец. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и традиция французского ме- муарного романа XVII—XVIII веков	106
М. Ю. Карушева. К цензурной истории драмы К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году»	113
Э. Г. Гайнцева. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания (из круга общения И. А. Гончарова)	123
О. В. Евдокимова. Еще раз о том, как Н. С. Лесков оценивает своих героев («Спра- ведливый человек. Полунощное видение»)	149
Е. З. Тарланов. К. М. Фофанов в итальянской русистике	158
А. А. Донсков (Канада). Письма Т. М. Бондарева к Л. Н. Толстому	163

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

А. А. Бовкало. Д. А. Крючков и Петроградский Богословский институт	182
А. М. Грачева. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек»)	185
Елена Максимова (США). О миниатюрах И. А. Бунина («Страшный рассказ» — 1926 год)	215
В. В. Перхин. К истории ареста и реабилитации Д. П. Святополк-Мирского (по архивным материалам)	220

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

Я. С. Билинкис. О творческом методе Гончарова (к выходу «Избранных трудов» Б. М. Энгельгардта)	238
М. Д. Эльзон. Ф. И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной: новые материалы	239

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. Д. Левин. Библиография «русского Вольтера»	244
Р. Ю. Данилевский. Неисчерпаемый Тургенев (материалы Международной конференции тургеноведов)	247
В. П. Муромский. Все дальше от канона (новые труды о Горьком)	250
Хоанг Ван Кан (Вьетнам). Лирика Пушкина во вьетнамских переводах	256
Ю. В. Стенник, А. Е. Пашкова. Русская интермедия в контексте традиции итальянской комедии dell'arte	262

Д. С. Лихачев, Н. Н. Скатов, С. И. Николаев. Академик Александр Михайлович Панченко (к 60-летию со дня рождения)	268
--	-----

ХРОНИКА

М. А. Федотова. XX Малышевские чтения	271
М. В. Рождественская. Праздник, который с нами	274
А. М. Любомудров. Первые Зайцевские чтения	278
Т. М. Двинятина. Международная научная конференция «Леонид Андреев и мировая культура»	279
<i>От редакции Трудов Отдела др.-рус. лит.-ры.</i>	<i>286</i>

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
 Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, Г. А. ГОРЫШИН,
 В. Я. ГРЕЧНЕВ, Н. А. ГРОЗНОВА, Б. Ф. ЕГОРОВ, А. И. ПАВЛОВСКИЙ,
 А. М. ПАНЧЕНКО, В. А. ТУНИМАНОВ, С. А. ФОМИЧЕВ

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев
 Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

© А. М. Грачева

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ПУШКИНСКИЙ ДОМ

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. СУДЬБА РЕМИЗОВСКОГО «МУЗЕЯ ИГРУШЕК»)

В повести А. М. Ремизова «По карнизам», отразившей тяжелые впечатления первых лет его эмиграции, есть следующее описание сна: «Слышу, музыка. Концерт. Я в раздевальню — там по стене шкапы — ящики, и в ящиках туго набито лежит под нумерками (нумерки зеленые) всякая одежда: тут и шубы, и дамские накидки, и непромокаемые плащи, тут же и шляпы, зонтики, тросточки. Я прицепил себе к ноге первый попавшийся нумерок и довольно легко впихнулся в ящик между каракулевым саком и мужским пальто на шелковой подкладке. И иду через стройку — раскопали землю, кладут фундамент — перепрыгиваю через рельсы. Это я домой иду, и, знаю, во второй уж раз. А заблудился. Навстречу Андрей Белый. „Ну теперь, думаю, как-нибудь дойдем вместе!“ И идем с ним в „Пушкинский дом“. Пустыри — все разрушено — и только маленький деревянный дом. Поднимаюсь на лифте. И все зеленеет и зеленеет».¹ Как всегда у Ремизова, развивающийся «сонный» сюжет построен на соединении фантазии и были, творческого вымысла и подлинных фактов. И именно из тогдашней жизни писателя пришло имя Пушкинского Дома, интерполированное в сон вместе с именами его друзей и знакомых. Повесть датирована 1924—1928 годами. Конец 1920-х годов — время тесных контактов Ремизова с Пушкинским Домом, связанных с судьбой его петербургского «музея игрушек».

Среди русских писателей начала XX века Алексей Ремизов был одним из тех, к кому наиболее часто применялось определение «мифотворец». Его литературный успех начался со сборника сказок «Посолонь» (1907), воскресившего мифологические образы, фрагменты языческих ритуалов, скрытые в детских играх, фольклорных обрядах, в забытых смыслах поговорок или отдельных слов. Слава сказочника прочно закрепилась за писателем, с одной стороны, помогая ему существовать литературным трудом, но с другой — накладывая на него определенные обязанности. С начала литературной карьеры в «поведении» (понимая под этим термином некую социо-эстетическую категорию) Ремизова непосредственность и естествен-

¹ Ремизов А. По карнизам. Белград, 1929. С. 52.

ность сочетались с элементами сознательной эстетической игры. Это, в частности, проявлялось в моделировании писателем своего жизненного пространства.

Нелегкие материальные обстоятельства жизни Ремизова обусловили случайный характер меблировки его часто сменяемых квартир. Лишь в последней из них (Васильевский остров, 14 линия, д. 31, кв. 48) появилась такая «деталь интерьера», как стены, украшенные рисунками Ремизова, наклеенными на обои.² «Душу» жилища писателя составляли иконы — родительское благословение ему и его жене; коллекция бисера, принадлежавшая роду Довкгелло, а также домашний «музей» — собрание природных «курьезов» и детских игрушек, как кустарных, так и фабричных.

По воспоминаниям Ремизова, первые игрушки появились у него в пять лет и были памятью об умершем отце: «Из комнаты, где задыхался отец (...) вышла младшая сестра Надежда: она подала мне (...) игрушки — кроме кубиков, у меня ничего не было — единственная память об отце, я долго берег их».³ Спустя много лет, в годы ссылки, у Ремизова оказалось несколько памятных сувениров (например, лапа орла), которые впоследствии он повсюду возил с собой. Настоящие детские игрушки вновь пришли к нему в 1904 году, после рождения дочери Наташи. С переездом в 1905 году в Петербург игрушки стали в доме Ремизовых органичной частью детского мира: и родители, и друзья семьи приносили их Наташе. Однако после того как девочку забрали к себе жить мать и сестра С. П. Ремизовой, ее оставшиеся в Петербурге игрушки соединились с природными «курьезами» — «памятками» самого Ремизова, начав новое существование в виде его «музея». Теперь друзья дарили игрушки уже самому писателю-сказочнику. Но в этом «музее» оставалась и тайная память о Наташе, о «странной семейной драме», как назвала историю разлуки Ремизовых с дочерью Н. В. Резникова.⁴

К началу 1910-х годов относится работа Ремизова над собранием своих сочинений в издательстве «Шиповник», куда, в частности, вошло расширенное и дополненное издание «Посолони» (СПб., 1911. Т. 6). В 1910—1911 годах появляются публикации, рассказывающие о ремизовском «музее». Наиболее детализированное описание дано в статье П. Кожевникова «Коллекция А. М. Ремизова. (Творимый апокриф)»:

«Вот он сидит в кресле перед письменным столом в своей петербургской квартире. Писатель невысок ростом, несколько сутуловат. Большой лоб; волосы над висками зачесаны кверху двумя характерными вихрами. Это придает ему вид рогатый. Сидит сгорбившись, жалуется на нездоровье, от которого не успел поправиться за лето. Но когда он говорит о своих вещах, любовно им собранных, о своем сказочном музее, который расставлен здесь же на столе и над столом развешан на стене, тогда он оживает. (...) Собиратель, талантливый реставратор и создатель. Глубокая любовь, глубокий интерес и подлинное искусство. Нечто от старинного сказочника, от добродушно-тонкого лицедея и, пожалуй, даже от колдуна!..»

Вещи А. М. Ремизова сами по себе все очень немудрые: детские игрушки, кустарные предметы, так называемая игра природы (древесные ветви с разными

² Ремизов, находясь в Петрограде, а затем в Париже, неоднократно просил М. Шкапскую организовать фотографирование «настенных рисунков» в квартире на 14 линии. См., например, сохранившуюся в архиве Шкапской сопроводительную записку Ремизова от 16 июля 1921 года, адресованную хозяйке квартиры В. Ф. Белокуровой: «Прошу разрешить сфотографировать мои рисунки. Алексей Ремизов» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 2). Фотографии были сделаны и отосланы в Париж. Ныне хранятся в архиве Ремизова в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 54); опубликованы в книге «Алексей Ремизов. Исследования и материалы» (СПб., 1994; вклейка).

³ Ремизов А. Подстриженными глазами // Ремизов А. Взвихренная Русь. М., 1991. С. 126.

⁴ Резникова Н. В. Огненная память. Berkeley, 1980. С. 45.

наростами, кора, олений мох и т. д.). Но когда о них рассказывает их хозяин, тогда они тоже оживают. Тогда они становятся таинственными существами, приобретают названия, облачаются образами из легенд и сказок и глядят со стола и со стены маленькими божками. <...>

Мы позволим себе привести перечень предметов этой небольшой, но любопытной коллекции, с тем комментарием, который дает к ним сам владлец. <...>

В центре коллекции, на столе, на картонном пьедестале находится „Марун” (от лат. слова *magis*) — сучок с наростом, недавно найденный писателем на скале, на острове Вандроке, чрезвычайно напоминающий собой фантастическую харю. Это морское существо, царь острова Бур-Буруна (или Вандрока). Под ним его меч и щит.

Рядом с „Маруном” — леший „Доримедошка”, — лохматое существо на тонких ногах с мордой вроде конской. Был выставлен на выставке старинных игрушек, устроенной художником Бартрамом. „Он живет в старых помещичьих усадьбах, где есть старые бабушки и беседки. Я его сам встречал, бродит такой задумчивый. Но теперь, конечно, ему плохо”.

Над „Доримедошкой” — икона старинного письма „4 праздника” времен Феодора Ивановича, подаренная писателю одним старообрядцем, которого звали Федор Иванович. Вокруг иконы: „Плакун-трава”, которую можно „только вытираться”, перо альбатроса с Варяжского моря и жемчужные раковины с Русского (Черного) моря. Старинный крест из Сольвычегодска и крест „для часа смертного”.

Над иконой — рисунок в красках Добужинского: „У лисы бал” (репродукция напечатана в «Золотом Руне»). Далее вправо: „Змея — Скоропая” (Скорпион) — кустарная игрушка, — с красной разинутой пастью, из которой капает „яд”. „Меч-самосек”, „Олень-оленюшка” из „страны чародеев, Лапландии”. И, наконец, „Заяц — малиновые усы”. „У него медведь отъел хвост по доброте своей медвежьей и малиной усы вымазал. Заяц против силы не пойдет”. Он спит одним глазом, а другим стережет рукописи писателя.

Влево от „Маруна” стоит медведь (палье-маше) с овсяным колосом и веретеном, „если об него уколешься, то заснешь навеки”. Перед медведем — „бог Коловертыш” (голова на деревянном стержне). Он стоит „на камне сольвычегодском — всему помогает, ведьмин помощник”. Тут же „Свинка-брюхатка” (фарфоровая) — караулит квитанции. На стене „Орлова нога” (орлиная лапа) с Печоры и „Мышкина лодка” (из коры), которую „медведь потопил”.

Еще левее, на столе — три „Мудрых зверя” (картонные игрушки) — „мои советчики в делах”: „Заяц-одноух”, „Лютый зверь” и „Певун-лиса”.

На стене — „Самоход-сапог”, служивший мальчику-с-пальчик. Зверь „Вындрик” («индрик»). „Солнце по небу ходит, а Вындрик под землей. Ключами и источниками заведует. Когда пойдет неправильно, случаются землетрясения”.

Над Вындриком — „трехликая солнечная дева” (сучок с наростами из «грибов»). Она в ожерелье из янтаря (вишневый клей). Потому что „Янтарь — это слезы людские, которые, когда падают, то застывают на солнце”. Три маковые головки — жертвы девы, вместо голов человеческих.

Далее „Вековой гриб” (древесный), на котором „выросли козьи рога”. Над ним „Птица — один клюв, Лунь-птица”. „Когда она пролетает, начинает светить луна”. „Зверь-тигр-железные-ноги” (живет в пустыне ледовитой). „Петушок-золотой-гребешок”. Две лягушки: „Царевна-квакушка” и „Турлушка”. „Красноглазая птица Строфиль”, которая „молится Богу за морем”. „Птица-Колполица” возила Ивана-царевича. Он отрезывал ей в пищу мясо от своих икр.

„Мышка-морщинка” и, наконец, две „каменные” (роговые) рыбы: „Симпа” и „Флюндра”, на которых держится остров „Бур-Бурун”⁵.

⁵ Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2.

Совершив вместе с Ремизовым своеобразную экскурсию по «экспозиции» его собрания, критик пришел к выводу, что «коллекция А. М. Ремизова наводит на мысль о возможности создания крайне интересного музея *апокрифических ликов*, в котором боги мифологии, звери и птицы апокрифов, действующие лица и дивные чудовища сказок, получили бы определенное и яркое вещественное изображение. При том интересе к старине и сказкам, который в недавнее время обнаружили наши художники, такой музей легенды и грез, несомненно, вполне осуществим».⁶

Дополним описание «музея» Ремизова сведениями из статьи журналиста, скрывшего свое имя под литерой «А.», «В волшебном царстве. — А. М. Ремизов и его коллекция»,⁷ причем отметим только те экспонаты, которые не были упомянуты в предыдущей публикации: «Вот *гребень Бабы-Яги* с огромной, как у лопаты, ручкой, с острыми ровными зубьями. Писатель достал его где-то на севере и выкупил у какой-то бабы. — Говорит, этим лен чешут. Ну, я сразу и догадался, что это — тот самый гребень, которым Баба-Яга косу расчесывает! (...) „Бросишь гребень — станет лес“. (...) несколько других фигур. Они сделаны из старых перчаток, снабжены когтями. Вместо глаз — бусинки или древесная застывшая смола. „Один старый человек мне их делает, — поясняет Ремизов, — хорошо у него выходит”.

Таков *Зажига рогатый* — „весь юлит, все время поджигает, а при нем много чертенят малых”. Вверху налево в *ступе Баба-Яга* — старая, лица не разобрать. — Она и в сказке — безликая. Месяц стареет, и она стареет. Месяц молодеет, и она. (...) А ноги у Бабы-Яги — одна в лапоть обута, а другая — без ничего. (...) Снежевик — с ногами в снегу; Коловертыш Бабы-Яги, маленькое существо, которое вечно вертится около старухи; вот Нежить-зверь, приносящий удачу и неудачу. (...) Вот Коща, вот Змея-Скоропея. Внизу коллекции висит сказочная „хустка”, та тряпица, которую если бросить — *озеро* станет».⁸

Многие сказочные экспонаты ремизовского музея являлись героями его сказок (так, например, в «Посолони» встречаем «Медведюшку», «Мышку-морщинку», «Зайчика Иваныча», «Маруна», «Коловертыша» и др.). При этом процесс «взаимодействия» между обитателями музея и ремизовских сказок был двусторонним. С одной стороны, пополняющие коллекцию игрушки получали имена уже существующих сказочных героев, а с другой — необычные экспонаты «музея» служили «порождающими моделями» для новых сказочных сюжетов. Так, М. Волошин в рецензии на книгу «Посолонь», в значительной степени также состоящей из описания ремизовских игрушек, отмечал это взаимовлияние. Как пример он привел ремизовский рассказ об одной из игрушек, фактически представляющий собой сюжетное ядро будущей сказки: «А вот это Наташин медведь — Наташа-то уехала, он и голову опустил. А раньше он все с ней был и в ванне с ней вместе купался. Лапы-то у него передние и отмокли. А вот здесь в брюхе у него веретено. Им Наташа уколется, когда ей будет шестнадцать лет, и заснет на три года».⁹

Еще с конца 1900-х—начала 1910-х годов собрание Ремизова приобрело не только камерное, но и общественное признание. Экспонаты его коллекции выставились в Кустарном музее при Московской губернской земской управе на временной выставке 1909 года «Игрушки прошлого и настоящего». Об этом свидетельствует благодарственное письмо из музея от 17 декабря 1909 года: «Милостивый государь Алексей Михайлович! Московская губернская земская управа, устроив при содействии художника Н. Д. Бартрам(а) в Кустарном музее в ноябре 1909 года выставку „Игрушек прошлого и настоящего”, считает своим приятным

⁶ Там же.

⁷ Огонек. 1911. № 44. С. 10—11.

⁸ Там же.

⁹ Волошин М. Алексей Ремизов. «Посолонь» [Рец.] // Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 510.

долгом выразить Вам, милостивый государь, искреннюю благодарность за доставленные Вами предметы, содействовавшие успеху выставки». ¹⁰ Постепенно количество игрушек увеличивалось. Процесс роста «музея» зафиксирован, в частности, в воспоминаниях М. В. Добужинского, отнюдь не сочувственно относившегося к ремизовским «чужакам»: «Квартира их была полна всевозможной курьезной чепухи, висели пришпиленные к обоям разные сушеные корни и „игры природы“, вербные чертики и пр.(...) В советское же время его квартира (тогда на Васильевском [острове]) превратилась уже совсем в колдовское гнездо, разный чудовищный вздор был развешан на веревках, и стены были самим Ремизовым расписаны по обоям чертями и кикиморами». ¹¹

В августе 1921 года, уезжая из России, писатель оставил в Петрограде все свое имущество: мебель, библиотеку, большую часть творческих рукописей и подготовительных материалов к ним, собрание писем и, наконец, коллекцию игрушек. В посвященной памяти А. Блока статье «К звездам» Ремизов вспоминал предотвещенное разорение своей квартиры, мысленно обращаясь к покойному поэту: «Пусто и жутко было в моей комнате: пустые полки, и игрушек не было, пустая зеленая стена с серебряными гнездышками, и вапа „ягиная черпалка“ — помните, на Островах нашли? — убралась в жестяную довоенную коробку из-под бисквитов вместе с „гребнем ягиным“, и только огонек перед образом неугасимый светил, как всегда, в последнюю ночь, разбирали последнее, как после похорон». ¹² Основным распорядителем оставляемого имущества Ремизов назначил своего друга В. Я. Шишкова, которому поручил продать библиотеку, сохранить рукописи для последующего возврата автору и, насколько возможно, проследить за судьбой мебели и самой квартиры. Основную часть эпистолярия Ремизов сам отдал на хранение в Публичную библиотеку (письма до 1915 года) и в архив Дома Литераторов (письма 1915—1921 годов, неопубликованные рукописи и подготовительные материалы к ним). Верный друг писателя С. Я. Осипов, содействовавший переправке Ремизову части творческих рукописей и личных вещей из России в Германию, сообщал ему 6 января 1922 года: «Вашу библиотеку Вяч(еслав) Я(ковлевич) продал за два милл(иона) 700 ты(сяч) руб(лей)». ¹³ Сам же Шишков в письме от 26 ноября 1922 года писал Ремизову о судьбе оставленного имущества: «Не знаю, где и как живете. Приезжал Соколов (И. С. Соколов-Микитов. — А. Г.), кой-что рассказывал о жизни эмигрантов, но он много говорить не умеет. В конце октября я случайно разыскал у себя „Заповедное слово“ (в Д(оме) Л(итераторов) среди Ваших бумаг найти не мог, а рылся тщателью). Передал Соколову для отправки Вам. Материалы к „Россия в письменах“ хранятся в Д(оме) Л(итераторов) в 5-ти папках. Первую папку, очевидно, с материалами использованными, я передал Осипову С. Я., остальные же с материалами: а) XVII века б) XVIII в) XVIII—XIX и г) XIX века сейчас добыть нельзя, но при первой же возможности это будет сделано и передано тоже Осипову С. Я. Что касается Ваших шкафов, стульев, столов, — они все были еще летом закреплены за Байковым, большим чином в Выш(ем) Сов(ете) Н(ародного) Х(озяйства), как брошенное имущество. Он переехал на другую квартиру и все увез». ¹⁴ Если рукописи и письма были переданы Ремизовым на хранение в государственные учреждения, книги обречены на продажу, а остальные вещи — брошены на произвол судьбы, то две заветные коллекции (бисера и игрушек) остались у близких друзей. Собрание изделий из бисера сохранила родственница С. Я. Осипова, которая в 1920-е годы сумела, благодаря связям в советских дипломатических кругах, через Прибалтику пере-

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 1.

¹¹ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 277.

¹² Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 96.

¹³ Центр Русской Культуры Амхерст-Колледжа (Далее: ЦРК АК). Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 3.

¹⁴ Там же. Папка 8.

править его в Париж. После смерти жены Ремизов подарил эту коллекцию давнему преданному другу их семьи — О. В. Андреевой, и ныне она хранится у ее дочери — художницы и писательницы О. В. Андреевой-Карлайль. Собрание игрушек осталось в Петрограде, и его дальнейшая судьба была сопряжена со сложными перипетиями последующей истории России.

Ремизов попросил сберечь игрушки поэтессу М. М. Шкапскую, которая познакомилась с ним в годы революции. Шкапской была понятна и близка по духу «игровая» природа мироощущения писателя. Она стала одной из первых писательниц, принятых в члены Обезвволпала. Сохранилась ее Обезьянья грамота:

«Дана сия грамота Марии Михайловне Шкапской в знак возведения ее в кавалеры обез. вел. вол. палаты

21.X.1920 г(ода)

Асыка царь Обезьяний
собственнохвостно

великая вельможа и кавалер

Николай Александрович Шапошников

великая вельможа иностранная и кавалер

С. Каплун

Борода обез. вел. вол. пал. и кавалер

[Б. п.]

Конденсор обезвволпал и кавалер

Наталья Григорьева

Вол. исполком обез. вел. вол. палаты

Н. М. Кузьмин

Александр Л [Нрзб.]

Алконост

С. Алянский

Скрепил и деньги белой мукой и молоком получил бывший канцелярист политком обез. вел. вол. пала

Алексей Ремизов». ¹⁵

Обстоятельства отъезда Ремизовых за границу, а также беспокойство об оставленной квартире и имуществе свидетельствуют о том, что первоначально они предполагали вернуться на родину. В их переписке со Шкапской эта тема постоянно соседствует с темой волшебных игрушек, ожидающих своего хозяина. «Не знаю уж, что и написать Вам такого ласкового, — писала Шкапская Ремизову 14 декабря 1921 года, — чтобы Вам теплее и радостнее стало. Вы ведь, вероятно, и сами верите в то, что долго без России не проживете? Вернетесь? Да? Все Ваше зверье по Вас тоскует и все поблекли и носики повесили, а караульщик и вовсе затосковал — караулить некого, не устерег своего хозяина». ¹⁶ В ответных письмах Ремизовы неоднократно упоминали о скором возвращении. При этом в Берлине писатель продолжал собирать игрушки и в дальнейшем пополнял свою коллекцию до самой смерти. В повести «По карнизам» он перечислил экспонаты этого нового «музея» по состоянию на середину 1920-х годов и упомянул, что «еще в первый год нашей берлинской жизни (...) у меня (...) начали появляться, как когда-то в России, и полезли на стену всякие гешпенсы». ¹⁷

После переезда в конце 1923 года в Париж стало окончательно ясно, что в Петроград Ремизовы не вернуться. Шкапская продолжала хранить ремизовские игрушки у себя дома, но в 1926 году решила передать их в государственное хранилище. «Я почти дома не живу, скитаюсь по России, — писала она Ремизову 5 октября 1926 года, — а без меня некому следить, вытирать пыль и убивать моль, зверушки стали портиться, и я боялась их загубить, да и думаю, что им место скорее в Пушкинском Доме, чем у частного лица». ¹⁸

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 20—21. Текст — рукой Ремизова, подписи — автографы перечисленных лиц.

¹⁶ ЦРК АК. Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 1.

¹⁷ Ремизов А. По карнизам. С. 22.

¹⁸ ЦРК АК. Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9.

Со стороны Шкапской передача ремизовского «музея» игрушек в Пушкинский Дом была отнюдь не случайным шагом. С начала своего существования, и особенно после революции 1917 года, Пушкинский Дом стал уникальным центром по сохранению не только рукописей, но и других произведений искусства, а также бытовых вещей, связанных с жизнью и творчеством русских писателей. При комплектовании фондов сотрудники Пушкинского Дома не ограничивались реликвиями прошлого русской литературы, но старались сохранить и современные материалы. Его основателям был присущ подлинный историзм мышления. В собрание поступали рукописи и вещи как умерших, так и еще здравствующих писателей. Поэтому передача ремизовской коллекции игрушек была закономерностью собирательской деятельности Пушкинского Дома.

На основании сохранившихся свидетельств невозможно точно установить, сама ли Шкапская пришла к мысли о Пушкинском Доме как месте хранения ремизовской коллекции, или ее натолкнула на эту идею беседа с ученым хранителем Петром Митрофановичем Устимовичем, сыгравшим большую роль в дальнейшей истории «музея». Благодаря ему коллекция попала в Пушкинский Дом и впоследствии разделила его трагическую судьбу.

Биографические сведения о П. М. Устимовиче не полны. Известно, что он родился в 1867 году, окончил Варшавский университет, был юристом и какое-то время служил товарищем прокурора в Санкт-Петербургском окружном суде. С 1887 года началась его литературоведческая деятельность, посвященная пушкинской эпохе. С 1911 года Устимович стал нештатным сотрудником Пушкинского Дома, а в 1922 году вошел в штат. По списку штатных сотрудников на 1 сентября 1925 года Устимович числился научным сотрудником 2-го разряда, по разрядной сетке имел 14 разряд и официально служил в библиотеке, занимался ведением библиотечных работ по систематическому каталогу.¹⁹ Но фактически он был одним из основных сотрудников, занятых комплектованием фондов Пушкинского Дома, поиском и научным анализом коллекций, включающих архивные документы и предметы писательского быта. Основным объектом научных интересов Устимовича было литературное краеведение и, конкретно, сохранение и музеефикация мест, связанных с А. С. Пушкиным. Он был активным членом Центрального Бюро Краеведения (ЦБК) и одним из главных вдохновителей и участников созданного при ЦБК Особого Сопровождения по научно-художественной охране Государственного заповедника «Пушкинский уголок», впоследствии заповедника «Пушкинские Горы». Устимович приложил много усилий по созданию Общества друзей Пушкинского уголка и передаче заповедника под юрисдикцию Академии наук, в ведение Пушкинского Дома. 30 июня 1926 года он сопровождал по окрестностям Михайловского наркома просвещения А. В. Луначарского, стараясь привлечь внимание властей к нуждам этих мест. В докладной записке Особому Сопровождению при ЦБК Устимович подробно описал визит Луначарского: «Я приветствовал Наркома на территории парка в Михайловском следующими словами: „Находясь здесь в командировке, приветствую Вас, А(натолий) В(асильевич), от имени Пушкинского Дома Академии Наук СССР, Особого Сопровождения при ЦБК и вновь народившегося Общества Друзей Пушкинского заповедника. В Вашем приезде мы все хотели бы видеть залог того, что эти места, связанные с жизнью и творчеством величайшего русского поэта, будут, наконец, поставлены в надлежащие условия”». ²⁰ Перечислив все подробности посещения Луначарским заповедника, Устимович заключил свою докладную записку словами, характеризующими его преданность делу спасения культурных ценностей: «Воспользовавшись случаем, я передал А(натолию) В(асильевичу) с его разрешения записку о печальном состоянии Лермонтовского

¹⁹ РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 799. Л. 1, об.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 30. Ед. хр. 48. Л. 37.

домика в Пятигорске». ²¹ Определение юридического статуса Пушкинского заповедника и создание Общества друзей Пушкинского уголка были основными направлениями деятельности Устимовича в то время, когда он занялся ремизовским «музеем игрушек».

Переписка Устимовича и Ремизова конца 1926—начала 1927 года — образец профессиональной музейной работы, которая проводилась Пушкинским Домом в 1920-е годы. Начавшись с официального выражения благодарности дарителю коллекции, эта переписка впоследствии плавно перешла в обмен дружескими посланиями. Постепенно между адресатами возникла особая психологическая атмосфера доверия и духовной общности — залог установления прочных контактов писателя с хранилищем наследия русских литераторов. Благодаря Устимовичу, в лице которого для Ремизова как бы персонифицировался сам Пушкинский Дом, писатель, начав с отсылки в Россию своих рисунков — образных «паспортов» для игрушек, вдохновился более масштабной идеей. Она была сформулирована в ремизовском письме от 5 декабря 1926 года: «Понемногу я вам буду посылать. Мне хотелось бы послать больше, чтобы соединить в Музее и игрушки, и рукописи, и книги». ²²

Ремизов принадлежал к тому типу писателей, которым было присуще осознание исторической значимости документа как свидетельства эпохи. Поэтому, в частности, он с бухгалтерской точностью собирал и подшивал в специальные альбомы-книжки все получаемые им письма. В годы революции, когда Ремизов, очевидно, не считал нужным сберечь черновики собственных опубликованных произведений, он совсем иначе отнесся к сохранению своего эпистолярия. Оставив письма в Публичной библиотеке и в архиве Дома Литераторов, Ремизов и после отъезда за границу был обеспокоен их дальнейшей судьбой. Получая доброжелательные и полные искреннего научного энтузиазма письма Устимовича, писатель уверился в том, что именно Пушкинский Дом будет тем хранилищем, где он сможет сосредоточить все свое творческое наследие, как оставшееся в России, так и собираемое в Париже. Это желание Ремизов выразил в письме Устимовичу от 1 мая 1927 года: «Когда у вас будет полный каталог игрушек, хотелось бы мне сложить у вас все вместе: и архив писем, какие получил с 1902—1921 (5 авг(уста)). Когда-нибудь интересно будет — литературный быт (...) и за границей собирал и храню». ²³ «Очень хорошо будет, — отвечал ему Устимович, — если Вы Ваш Парижский литературный архив передадите со временем к нам в Пушкинский Дом». ²⁴

Летом 1927 года переписка Ремизова и Устимовича прервалась, так как последний был арестован и сослан в Туруханский край. Об обстоятельствах случившегося Устимович сообщил своему другу, ученому хранителю Пушкинского Дома В. Д. Комаровой, в письме от 1 августа 1927 года: «Мое дело № 811/27. Обвинение предъявлено по 58¹¹ ст(атье) Угол(овного) Код(екса). Формулировка: 1) в том, что, состоя на службе в АН и будучи монархически настроен, вел противоправительственную пропаганду 2) в том, что будучи тов(арищем) прок(урора) Ок(ружного) суда, выступал по делам печати. Меня допросили один раз (анкетный допрос 7/VII); в ночь на 11/VII было предъявлено под расписку без опроса приведенное выше постановление, 23/VII было объявлено постановление Лен(инградского) ГПУ от 15/VII о высылке в Сибирь на 3 г(ода) на жительство под надзором местного ГПУ. Это постановление обжалую во ВЦИК с места. Мотивы: предъявив обвинение в общих, а не конкретных выражениях, меня не опросили, признаю ли себя виноватым (допроса не было), и лишили возможности защищать»

²¹ Там же. Л. 37, об.

²² ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 4.

²³ Там же. Л. 7. Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут в подлиннике.

²⁴ ЦРК АК. Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9.

ся. Монархически я не настроен, ибо считаю монархию в последние годы дискредитировавшей себя окончательно. По отношению к сов(етской) власти вел себя всегда лояльно. Удостоверить последнее может местком, Секция науч(ных) раб(отников) и, м(ожет) б(ыть), Президиум А(кадемии)».²⁵

По заключению медицинской комиссии Устимовичу было разрешено остаться в Енисейске вследствие слабого здоровья. Там он неофициально, «на общественных началах» работал в местном краеведческом музее, существуя за счет скромных денежных переводов от жены и некоторых друзей. В музее он сделал описание коллекции книг на иностранных языках, составил картотеку газетных вырезок за шестьдесят лет, каталогизировал нумизматический отдел, начал составление словаря политической ссылки до 1917 года. Вместе с сотрудниками музея Устимович выезжал в глухие места, разыскивая следы сосланных в Сибирь декабристов. Он организовал в Енисейске краеведческое общество и связал его с Центральным Бюро Краеведения, которое в 1928 году избрало Устимовича членом-корреспондентом. А также занимался сбором фольклора, записал около 400 частушек, вел для Академии наук фенологические наблюдения. Об интенсивности этой музейной и краеведческой деятельности, не прерывавшейся в условиях ссылки, свидетельствуют письма Устимовича В. Д. Комаровой и директору Пушкинского Дома С. Ф. Платонову, который духовно и материально поддерживал своего ссыльного подчиненного. К сожалению, сохранились только письма Устимовича Платонову. Так, например, 29 октября 1927 года он писал: «Благодарю Вас за Ваше трогательное внимание к постигшей нас судьбе и за предоставление жене заработка.²⁶ (...) Здесь не предвидится абсолютно никакой возможности достать какое-либо занятие с вознаграждением. Сейчас с наслаждением привожу в порядок и систему книги на иностранных языках в музее, пишу карточки с мудреными латинскими названиями зверей, птиц и растений (на карточках) и помогаю заведующему размещать экспонаты в удобном для посетителей порядке и без загромождения (...) Слежу за всеми новостями по Академии и П(ушкинскому) Д(ому) по газетам и письмам и всегда и душою, и мыслью в П(ушкинском) Д(оме). (...) Прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Вашей супруге и передать сердечный привет всем Вашим и П(ушкинскому) Д(ому)».²⁷

Устимович неоднократно пытался добиться пересмотра своего дела, так как, подобно многим, рассматривал арест как результат «недоразумения». Он обращался за помощью к таким влиятельным лицам в среде политиков и литераторов, как А. В. Луначарский,²⁸ М. Горький²⁹ и В. В. Вересаев. В частности, в письме к

²⁵ РНБ. Ф. 362. Ед. хр. 41.

²⁶ В официальных документах ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН за 1927 год сохранилась машинописная копия (без подписи) прошения о предоставлении работы в Академии наук жене Устимовича: «Ввиду вызванного высылкой из Ленинграда ухода со службы научного сотрудника II разряда П. М. Устимовича, жена его Наталья Сергеевна Устимович осталась в настоящее время без всяких средств к существованию.

Н. С. Устимович окончила гимназию Таганцевой, свободно владеет французским, немецким, английским и испанским языками и умеет писать на пишущей машине. Имеет двухлетний стаж машинистки по иностранному языку, каковой состояла в 1919—1921 гг. в одном из отделов Канцелярии Губисполкома (в Смольном), откуда перешла в одну из частных контор. В настоящее время Н. С. Устимович не имеет никакого заработка.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств, представлялось бы крайне желательным придти на помощь Н. С. Устимович путем предоставления ей хотя бы временных занятий в соответствии с ее знаниями в одном из учреждений Академии Наук» (Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1—1926. Ед. хр. 5. Л. 75).

²⁷ РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4431. Л. 4.

²⁸ Черновик письма Устимовича Луначарскому случайно (использованный в качестве оборотного листа) сохранился в его архиве (ИРЛИ. Ф. 440. Ед. хр. 55. Л. 1—1, об.).

²⁹ Известно, что коллеги ходатайствовали за Устимовича во время посещения Горьким Пушкинского Дома в 1928 году. См. также письмо Горького Г. Ягоде от 30 марта 1928 года: «Дорогой товарищ и земляк — посылаю письмо Устимовича; я его не знаю, но слышал, что

Вересаеву от 11 сентября 1927 года Устимович сообщал подробности своего ареста: «Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой в постигшем меня несчастье — если можете — помогите. В ночь на 11/VI т(екущего) г(ода) во время массовых арестов я был подвергнут личному задержанию в Ленинграде, привлечен в качестве обвиняемого по 58⁵, 58¹⁰, 58¹¹, 58¹³ и 84 ст(атьям) Угол(овного) Код(екса) и выслан на три года в Сибирь. Так как мне фактически не было предъявлено обвинения (в конкретных фактах) и так как я *не был допрошен вовсе в качестве обвиняемого* и, т(аким) о(бразом), лишен возможности защищаться, я обжаловал постановление Ленинг(радского) ГПУ во ВЦИК, в коллегию ГПУ (Москва) и прокурору республики. Абсолютно никакой вины за собою не знаю.

Просьба к Вам, нельзя ли заступиться за меня. Если Вы готовы мне помочь, не откажите снестись с Екатериной Павловной Пешковой (помощь политическим заключенным — Кузнецкий мост 16). У нее есть материалы по моему делу (№ 811/1927 Ленинг(радского) ГПУ), и она Вам скажет, в какой форме можно было бы что-нибудь сделать для моего спасения.

Я прошу: 1) о пересмотре дела и о предании меня суду, если обвинение подтвердится (допросить меня в качестве обвиняемого и дать мне возможность защищаться) или о реабилитации 2) до пересмотра дела назначить мне место ссылки с более мягким климатом (меня предназначают к высылке в Туруханский Край) и с обеспеченною медицинской помощью.

Мне 60 лет, страдаю миокардом, атеросклерозом, расширением вен на ногах. Турухан с его жестокими морозами и без врачебной помощи — для меня гибель. Между тем на моем иждивении больная (нервно) жена и никаких средств к существованию, кроме заработка по Пушкин(скому) Дому, ныне утраченного, нет». ³⁰

Первые ходатайства о пересмотре дела, предпринятые различными лицами, в том числе Е. П. Пешковой, были отклонены. Не была удовлетворена и просьба Устимовича разрешить ему работать в Якутской комиссии Академии наук СССР и проживать в г. Якутске. Однако, существуя только на скромные средства, получаемые от близких, он продолжал бескорыстную работу по разысканию материалов для фондов Пушкинского Дома. Сведения об этом сохранились в подробных письмах Устимовича Комаровой. Так, в письме от 1 октября 1928 года он сообщал о результатах своих поисков следов декабриста А. Якубовича. В глухой деревне — месте ссылки Якубовича Устимович нашел документы и вещи декабриста: «Вывез я оттуда один автограф Якубовича (пожертвовал 10 р(ублей) на исправление ветхостей церковных 1844 г.), две исповедных записи за 1844—45 г., из коих видно, что „государственный преступник Александр Якубович был у исповеди и святого) причастия в 1844 и *не был* в 1845”. — (был уже болен, а в IX 45. умер); три его серебряные ложки — столовую и две чайных с орнаментом (без меток) и иконку Спасителя с серебряной ризой, кот(орой) он благословил в 40-ых гг. своего казачка на брак. Из этих вещей одну чайную ложечку передадим в П(ушкинский) Д(ом)». ³¹ Забота о пополнении хранилища рукописей русских писателей видна, например, и в его письме от 29 сентября 1929 года: «В Красноярске я по просьбе музея разобрал истор(ико)-литер(атурные) материалы по богатейшему архиву сибир(ского) золотопромышленника и чудака Г. Юдина. Я отложил много рукописного материала для П(ушкинского) Д(ома) (соврем(енные) списки стихов Пушк(ина), Лерм(онтова), «Горе от ума», статью о душевной болезни Батюшкова). Среди этого материала еще много эротики Баркова с иллюстрациями.

он весьма полезный работник по литер(атурным) архивам Пушкинского Дома. Может быть, возможно удовлетворить его просьбу?» (Переписка М. Горького с Г. Г. Ягодой / Предисл., публ. и примеч. Л. А. Спиридоновой // Неизвестный Горький. М., 1994. С. 168).

³⁰ РНБ. Ф. 362. Ед. хр. 41.

³¹ Там же. Ед. хр. 42.

Всего будет 4—5 ящиков. При разборе надо иметь в виду, чтобы ящики со звездочкой „*“ не разбирали барышни, ибо там будет Барков и тому подобное». ³²

Несмотря на неудачу первых попыток добиться пересмотра дела, Устимович не переставал предпринимать усилия для «восстановления» справедливости. И 29 мая 1929 года он получил телеграмму: «Справке ОГПУ вам Сибирь заменена минусом шесть на остальной срок. Пешкова». ³³ Благодаря этому решению, Устимович смог переехать из Енисейска в Новгород. Однако его надежды найти какую-нибудь более или менее соответствующую квалификации или просто нормально оплачиваемую работу оказались тщетными. Он снова был в материальной нужде и безвозмездно трудился в местном краеведческом музее. Тем не менее Устимович и в Новгороде продолжал искать материалы для коллекций Пушкинского Дома. Так 21 мая 1930 года он сообщал Комаровой: «Вчера вернулся из поездки в Руссу. Нашел кое-что любопытное о доме Достоевского и видел два прекрасных портрета граф(ини) Екат(ерины) Александр(овны) Стройновской, впоследствии Зуровой, выведенной Пушкиным в „Домике в Коломне“. Уехал из Руссы под впечатлением этого обаятельного гордого образа. Эти портреты необходимо заполучить во что бы то ни стало П(ушкинскому) Д(ому). Нашел в музее переписку об этих портретах за подписью Сер(гея) Фед(оровича) (Платонова. — А. Г.). Дело совсем заглохло теперь. Нужен обмен. Я вырвал у милой заведующей слово о первенстве П(ушкинского) Д(ома). Помните, Вы, кажется, сопровождали по П(ушкинскому) Д(ому) директора Красноярского музея А. Н. Соболева. Он 24/III покончил с собою выстрелом из револьвера в рот. Он усиленно звал меня в Красноярск на работу. Теперь, конечно, из этого ничего выйти не может. Грустно. С завтрашнего дня начинаю караулить дрова по 1 р(ублю) 50 к(опеек) за 10 часов и днем, и ночью. Боюсь, что и эта работа в последнюю минуту сорвется, ввиду моего „положения“ (...) Спасибо Вам большое за все для меня сделанное за эти 3 года. Замечательно, что я не вынес даже злости к тем, кто нашел нужным меня заточить на 3 года безо всякой вины и без малейших доказательств. Вспоминаю о бедных друзьях, к(ото)рые теперь хуже меня томятся в каменном мешке». ³⁴

Арест Устимовича был одним из первых в ряду репрессий против научных сотрудников Пушкинского Дома, которые во главе со своим директором академиком С. Ф. Платоновым стали жертвами так называемого «Академического дела» 1929—1931 годов.

Как известно, 23 октября 1929 года в Ленинград приехала Комиссия Наркомата РКИ СССР по проверке Академии наук. «Началась чистка с аппарата Академии (...) Затем комиссия Фигатнера взялась за сотрудников БАН, Пушкинского Дома, Археографической комиссии. Всего в Академии было уволено с работы из 960 штатных сотрудников 128 человек (...) из Пушкинского Дома — 4 (из 29) человек. (...) „Криминальные“ материалы были (...) обнаружены в Пушкинском Доме (...) Сразу же по обнаружении „криминальных“ материалов в Ленинграде начались первые аресты среди работников Академии». ³⁵ Комиссия обнаружила в архиве Пушкинского Дома такие «криминальные» материалы, как, в частности, архив шефа жандармов В. Ф. Джунковского, переданный на хранение еще до 1917 года. Сотрудникам, и прежде всего директору, было инкриминировано «сокрытие» этих материалов. 30 октября 1929 года Платонов подал в отставку с поста директора, а с 12 на 13 января 1930 года он и члены его семьи были арестованы. Вплоть до ареста Платонов продолжал переписываться с Устимовичем

³² Там же. Ед. хр. 43.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XXV—XXVII.

и оказывать ему помощь. Так как письма Платонова к Устимовичу не сохранились, последний этап их взаимоотношений можно проследить при помощи писем Устимовича к Комаровой. «Вчера же получил письмо от С(ергея) Ф(едоровича), — писал Устимович 8 декабря 1929 года. — Какой он сердечный и корректный. Невзирая на переживаемые им неприятности, он сообщает мне, что пойдет еще одна моя заметка в „Вестнике Зн(ания)“». ³⁶ «С(ергей) Ф(едорович) известил меня, — сообщал Устимович 3 января 1930 года, — что еще одна моя статья пойдет в „Вестнике Зн(ания)“. Какой он милый, сам переживает тяжелое время, но меня не забывает». ³⁷ И наконец, реакция Устимовича на известие об аресте Платонова ощутима в письме от 7 февраля 1930 года: «Статьи мои, принятые уже „Сибир(скими) Огнями“ к печатанию, сейчас задержаны по тактическим соображениям (дело Академии), т(ак) к(ак) считают, что мое имя связано с Акад(емией). С „Вест(ником) Зн(ания)“ дела тоже плохие. Хотя милый С(ергей) Ф(едорович) предупредил ред(акцию) и оставил завещание о моих статьях, но... захотят ли считаться с „поверженным богом“ — и, во-вторых, не закроется ли самый журнал из-за недостатка бумаги?» ³⁸ Уцелевшие в архиве Платонова письма Устимовича свидетельствуют о полной поддержке и одобрении сотрудником общественной позиции своего директора. Так, в письме от 11 декабря 1929 года Устимович отмечал: «Получил Вашу открытку и благодарю Вас сердечно за Ваше неизменное внимание ко мне. Я его всегда ценил, и особенно оно мне дорого теперь, когда Вы сами переживаете столько тревоги. Не Вам удивляться моей бодрости: Вы сами с такой выдержкой и достоинством переживаете свои невзгоды». ³⁹ Последнее письмо Устимовича датировано 4 января и, возможно, было получено адресатом перед самым арестом. Отдельные фразы в письмах сыльного сотрудника подчеркнуты красным карандашом следователем, отмечавшим сведения о материалах, собираемых для Пушкинского Дома, и рассуждения Устимовича о возможности вернуться в Ленинград. На следствии Платонова допрашивали о его связях со сыльными сотрудниками Пушкинского Дома и, конкретно, с Устимовичем, что зафиксировано в «Протоколе допроса С. Ф. Платонова, произведенного С. Г. Жупахиным» 17 января 1930 года. «Признаюсь, — показал Платонов, — что действительно я всячески помогал сыльным по разного рода делам, в частности, Устимович(у)». ⁴⁰

11 июня 1930 года официально закончился срок трехлетней ссылки Устимовича. Известно, что его жена сумела сохранить ленинградскую прописку и жилплощадь. Именно на ее адрес пришли последние по времени письма В. Д. Бонч-Бруевича Устимовичу, свидетельствующие о попытках бывшего сотрудника Пушкинского Дома опубликовать в «Звеньях» ряд документов, относящихся к литературе XIX века («Встреча И. С. Тургенева с Лассалем», «Письмо Философова к И. С. Тургеневу», «Письмо Б. М. Маркевича к Тургеневу», «49 писем Достоевского»), ⁴¹ и подтверждающие его тяжелое материальное положение. А 2 марта 1931 года «от автора в дар» Пушкинскому Дому поступил архив Устимовича, ⁴² включая все его картотеки, черновики статей и автоцензурованную переписку. Примечательно, что в состав этого архива, переданного «2 марта», входят и письма Бонч-Бруевича, последнее из которых датировано «10 августа 1931 г.». ⁴³ На обложке описи указана дата смерти Устимовича — «1931». Причины смерти нам неизвестны, но надо отметить, что еще в феврале—марте 1930 года начались

³⁶ РНБ. Ф. 362. Ед. хр. 43.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Ф. 585. Ед. хр. 4431. Л. 24.

⁴⁰ Академическое дело 1929—1931 г. Вып. 1. С. 39.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 440. Ед. хр. 61.

⁴² Книга поступлений 1931 г. № 1353.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 440. Ед. хр. 61. Л. 5.

аресты краеведов по всей стране, так как провинциальные филиалы Центрального Бюро Краеведения (чьим активным членом был Устимович) включили в сфабрикованную по «Академическому делу» «монархическую контрреволюционную организацию».⁴⁴

Итак, Ремизов передал свой «музей игрушек» в Пушкинский Дом как раз накануне трагических катаклизмов. Вскоре все, кто лично и официально принял «музей» на хранение, были репрессированы: ученый хранитель П. М. Устимович, ученый секретарь Б. И. Коплан, наконец, директор, академик С. Ф. Платонов. 13 февраля 1927 года Ремизову была отослана подробная опись экспонатов коллекции, официально удостоверенная подписью ученого секретаря и печатью Пушкинского Дома.⁴⁵ И несмотря на данные о его включении в состав фондов, «музей» исчез. В настоящее время местонахождение составлявших его предметов неизвестно. Каким образом это произошло, можно только гадать. Но представляется заслуживающим внимания свидетельство о разборке кладовой Пушкинского Дома в 1929 году. «Чистка» была связана с хранившимися там материалами (в том числе рукописями и вещами из архива Джунковского). Следует напомнить, что этот архив был сочтен «криминальным» материалом, «скрывавшимся» сотрудниками Пушкинского Дома, и служил специальным предметом разговора на заседании Особой комиссии в составе Ю. П. Фигатнера, Я. Х. Петерса, Я. С. Агранова, которая 24 октября 1929 года допрашивала ряд ученых Академии наук. Среди них, в частности, были: А. И. Кубасов — старший ученый хранитель Пушкинского Дома, на момент допроса фактически исполнявший обязанности директора; Н. В. Измайлов — старший ученый хранитель, заведующий рукописным отделением; С. Ф. Платонов — бывший директор Пушкинского Дома. При допросе Кубасова подробно обсуждался вопрос о гараже — кладовой Пушкинского Дома, где хранились разнообразные, в том числе вещественные, необработанные материалы и среди них архив Джунковского. В стенограмме заседания говорилось: «Петерс: Вы не сказали, что Джунковский был здесь, а когда мы спрашивали, что в этом ящике, никто не знал. Когда стали рыться, оказывается здесь портреты, снимки и т. д. / Фигатнер: Кто-либо бывал в гараже из ваших сотрудников? / Кубасов: Когда я вступил в обязанность (т. е. в октябре 1929 года. — А. Г.), просил заведующих отделами как можно быстрее разобрать все хвосты и залежи. И эта зима прошла в этой работе. / Агранов: У нас имеются сведения, что после приезда Джунковского есть освобожденные ящики? / Кубасов: Я не могу сказать твердо. / Петерс: По-моему, все, что есть лучшего, выбрано. Это сразу видно, т. к. они находятся в таком состоянии (...) / Фигатнер: У меня к Вам еще один вопрос. Я просил, чтобы Вы ознакомились с материалами. Нет ли там еще чего-нибудь? Сделали Вы это? / Кубасов: Там найдена неприятная вещь — погоны великого князя. / Фигатнер: А кроме этого? / Кубасов: Найдено еще штук 50 писем к Котляревскому. / Фигатнер: Если Вы еще что-нибудь найдете, кроме этого, Вы составите список и сообщите нам. / Кубасов: Ладно. / Фигатнер: Больше вопросов нет? Вы свободны».⁴⁶ Из стенограммы следует, что после начала репрессий против Пушкинского Дома его сотрудниками проводилась проверка и «чистка» материалов. Только гипотетически можно предположить, что экспонаты «музея» Ремизова, среди которых было много «природных курьезов», после ареста Устимовича могли оказаться в кладовой и «пасть жертвой» разбора «всех хвостов и залежей». Это всего лишь гипотеза о возможных обстоятельствах утраты. Надо помнить, что Пушкинскому Дому и его коллекциям предстояло еще пережить

⁴⁴ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 449.

⁴⁵ Оригинал описи: ЦРК АК. Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; копия: Архив РАН (Ф. 150. Оп. 1—1926. Л. 72—73).

⁴⁶ Начало «дела» Академии наук. Стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР 24 октября 1929 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 96.

блокаду Ленинграда. Но подобное предположение вполне вероятно на общем трагическом фоне событий рубежа 1920-х—1930-х годов.

История взаимоотношений писателя-эмигранта, одного из крупнейших литераторов Серебряного века, и наиболее авторитетного хранилища наследия русских писателей в Советской России дает ясное представление о том, что в 1920-е годы в науке о литературе осознавалась целостность процесса развития русской культуры. Хотя уже существовали ограничения на анализ и интерпретацию научных фактов, продолжалось объективное накопление самих этих фактов, каковыми, в частности, были рукописи и материальные объекты, связанные с жизнью и творчеством русских писателей. «Академическое дело», имевшее тяжелые последствия для Пушкинского Дома, во многом, хотя и не окончательно, затормозило объективное развитие научной мысли и музейного поиска. Пример с наследием А. М. Ремизова — характерный случай подобной «исторически» упущенной возможности, обернувшейся значительной потерей для национальной культуры. И все же научная работа, и в том числе музейное подвижничество сотрудников Пушкинского Дома 1920-х годов, заложивших основную базу его собраний, имела весомые результаты. Если вернуться к взаимоотношениям Пушкинского Дома с Ремизовым, то установившиеся в 1920-е годы и прерванные не по воле какой-либо из сторон доверительные отношения оказали на писателя значительное влияние. Оно ощутимо в поздней ремизовской легенде о судьбе своего первого «музея игрушек». В конце 1940-х—начале 1950-х годов ученица и в дальнейшем одна из распорядительниц его наследством Н. В. Кодрянская записала следующий рассказ Ремизова о его коллекции: «Игрушки появились у меня с „Посолони“. Московский психиатр доктор Певзнер затеял „Посолонью“ вернуть душевный покой у одной здравомыслящей, впавшей в „изумление ума“: на нее нападала тоска, перед ней копошились и мучили ее чудища. По предписанию доктора она должна была сделать куклы, упоминаемых в Посолони сверхъестественных существ. За несколько месяцев увлекательной работы образы Посолони обернулись в чудища-куклы. (...) С игрушек сделана была копия, и со стены перед моим столом глянул — весь мир „Посолони“. (...)»

Когда затеяли балет для Мариинского театра на ремизовский посолонный сценарий „Алалей и Лейла“, Ремизов отдал игрушки художнику А. Я. Головину для вдохновения.

Посолонные образы, воплотившиеся в куклы, ушли от Ремизова и на свое место они вызвали к нему странных, окаменелых, деревянных существ. Они и заняли стену.

— Хотели ли они мне напомнить о чем или предупреждали? Я всматривался, слушал подымавшийся из глубины души мой голос, но как я мог разгадать? Каждого пришельца я облюбовывал и сажал в серебряное гнездышко. Перед отъездом за границу в 1921 г. я их отдал в Пушкинский дом (Институт русской литературы). И потом из Берлина послал некоторым из „чудищ“ „паспорта“.⁴⁷

Характерно, что из ремизовской легенды-воспоминания исчезли такие реальные подробности судьбы «музея», как факт оставления его М. Шкапской, от которой в 1926 году и поступило предложение передать коллекцию в государственное хранилище. Финал легенды — сознательный ремизовский дар «музея» Пушкинскому Дому, осуществленный по своей воле, без чьей-либо подсказки.

Добрая память о переписке 1920-х годов легла в основу нового этапа взаимоотношений Ремизова с Пушкинским Домом, начавшегося незадолго до смерти писателя в 1950-е годы. И опять Ремизову посчастливилось заочно встретиться с человеком, который был носителем лучших духовных традиций Пушкинского Дома, — Владимиром Ивановичем Малышевым. Вновь завязалась интересная

⁴⁷ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 119—120.

переписка. В одном из последних писем к Малышеву от 18/5 августа 1957 года Ремизов попросил: «Если возможно, пришлите мне Вашу карточку и хранителей моих рукописей. Хотелось бы посмотреть Пушкинский Дом и живую жизнь среди живых книг».⁴⁸ Как и в далекие 1920-е годы, между Ремизовым и Пушкинским Домом протянулась духовная нить, возникла новая возможность возвращения наследия русского писателя на Родину, в свой подлинный Дом. Но эта история заслуживает особого исследования.

⁴⁸ Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 211.

Приложение

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ О ПЕРЕДАЧЕ «МУЗЕЯ ИГРУШЕК» А. М. РЕМИЗОВА В ПУШКИНСКИЙ ДОМ

(Публикация и комментарии А. М. Грачевой)

Материалы, касающиеся передачи ремизовской коллекции игрушек в Пушкинский Дом, состоят из писем поэтессы Марии Михайловны Шкапской (1881—1952) Ремизову, переписки Ремизова и ученого хранителя Петра Митрофановича Устиновича (1867—1931) и официальных документов (письма, описи) Пушкинского Дома. Письма к Ремизову и оригиналы официальных документов Пушкинского Дома хранятся в Фонде А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло в собрании Центра Русской Культуры Амхерст-Колледжа в США (далее: ЦРК АК). Письма Ремизова находятся в составе личного фонда писателя (Ф. 256) в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (далее: ИРЛИ). Наконец, копии официальных документов, посланных Ремизову, имеются в фонде Пушкинского Дома (Ф. 150) в Архиве Российской Академии наук (далее: Архив РАН).

Письма Ремизова печатаются с соблюдением значимых для писателя индивидуальных особенностей орфографии и пунктуации. Остальные письма и документы публикуются в соответствии с современными нормами.

Автор публикации приносит благодарность всем архивохранилищам, предоставившим материалы для издания, и особо благодарит директора Центра Русской Культуры Амхерст-Колледжа проф. С. Рабиновича за разрешение использовать материалы ремизовской коллекции.

1

М. М. Шкапская — А. М. Ремизову

СПб., 14/XII—21

Голубчик мой, Алексей Михайлович, ходят слухи злостные, что Вам тяжело и домой хочется? Неужели так? Сердце ужасно болит за Вас — «лисытого, зайчатого»¹ — там ведь в чужих краях и зайчата-то с лисятами не настоящие, а дрессированные, правда? Не знаю уж что и написать Вам такого ласкового, чтобы Вам теплее и радостнее стало. Вы ведь, вероятно, и сами верите в то, что долго без России не проживете? Вернетесь? Да?² Все Ваше зверье по Вас тоскует и все поблекли и носики повесили, а караульщик и вовсе затосковал — караулить некого, не устерег своего хозяина. У нас все как и прежде, только и сытнее, и живее стало. Только вот в литературных-то кругах швах! Царит Замятин³ без

соперников, да растут молодые грибки — Серапионовы братья.⁴ Славная публика, а без Блока и Гумилева⁵ поэты все осиротели и разбрелись. Все о Вас скучаем, с Вяч(еславом) Як(овлевичем)⁶ о Вас говорим часто. Молоко-то пьете ли там? А о Рассеюшке-матушке разговариваете ли? Часто ли? Что у Вас там интересного?

Напишите, хороший мой
Сердцем Ваша

М. Шкапская.

О книжице⁷ моей напишите!

А от Пильняка⁸ поклон большущий
Алексею Михайловичу Ремизову

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 1; автограф чернилами.

¹ См. дарственную надпись Ремизова на открытке — репродукции его портрета работы М. Сабашниковой: «Заичатой лисятой Марии Михайловне Шкапской от земли утробной и голубиных небес кавал(еру) Обез(ьяншей) вел(икой) и вол(ьной) пал(аты) обез(ьяний) зн(ак) Алексей Ремизов. На память обезьяню. 5. VIII» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 25).

² Ср. письмо Ремизова С. М. Алянскому от 21 января 1922 года: «Я себя за эмигранта не считаю, а лишь за временно живущего вне России, как на санатории для восстановления потерянных сил» (РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 15, об.).

³ Замятин Евгений Иванович (1884—1937) — прозаик, друг Ремизова. См. оценку Замятина в письме Ремизова Н. Кодрянской от 29 мая 1947 года: «По русским просторам много живет моих сыновей. Есть среди них (...) моих лет (Замятин)» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 189*). О месте Замятина в литературном процессе начала 1920-х годов см. воспоминания Ю. Анненкова: «Счастливым месяцем летнего отдыха я провел с ним в 1921 году (...) Но месяц быстро прошел (Замятин занимал квартиру на Моховой улице, в доме, принадлежавшем издательству „Всемирная литература“ (...) Замятин состоял там членом редакционного совета, вместе с М. Горьким, с А. Н. Тихоновым, А. Л. Волынским и К. И. Чуковским. Но в том же году, вместе с А. А. Блоком, А. Л. Волынским, М. Горьким, В. И. Немировичем-Данченко, А. Н. Тихоновым и К. И. Чуковским Замятин был также избран членом литературного отдела Дома искусств и, вместе с М. Добужинским, Н. Радловым, К. Чуковским и В. Щербатовым — в редакционную коллегию журнала „Дом искусств“. Кроме того, вместе с А. Блоком, А. Волынским, Н. М. Волковским, А. В. Ганzenом, М. Горьким, П. К. Губером, В. Я. Шишковым, В. Б. Шкловским и К. Чуковским, Замятин был тогда членом Правления союза писателей (...) Иначе говоря, Замятин находился в самом центре литературной жизни России тех лет» (*Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Л., 1991. Т. 1. С. 237, 241*).

⁴ В состав литературной группы «Серапионовы братья», возникшей в 1921 году в Петрограде, входили: Вс. Иванов, М. Слонимский, М. Зощенко, В. Каверин, Н. Никитин, К. Федин, Л. Лунц, Н. Тихонов, Е. Полонская, И. Груздев. Ремизов подказал само название группы и оказал сильное литературное влияние на большинство ее членов.

⁵ А. А. Блок скончался 7 августа 1921 года. Н. С. Гумилев был расстрелян в ночь с 24 на 25 августа 1921 года по обвинению в участии в так называемом «таганцевском заговоре».

⁶ Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — прозаик; друг Ремизова, поручившего ему проследить за судьбой оставленного в Петрограде имуществу и рукописей.

⁷ Имеется в виду кн.: *Шкапская М. Mater Dolorosa*. Пб., 1921. В ответном письме от 19 марта 1922 года Ремизов сообщал Шкапской: «Книжку вашу получил. Спасибо. Читал по утрам. (...) Напишу — только Вы знаете я не критик, и все мои писания о книгах не книжные / и с глаза книжного — курам на смех / и еще надо отыскать, где напечатать» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 3). Рецензия так и не была написана. Экземпляр книги с владельческой пометой на шмуцтитуле: «398 — S. Remisov» сохранился в библиотеке А. и С. Ремизовых (Собрание Резниковых, Париж).

⁸ Пильняк (наст. фамилия Вогау) Борис Андреевич (1894—1937) — прозаик, друг и литературный ученик Ремизова. В книге «Петербургский буерак» ему дана следующая характеристика: «Мой ученик. В Берлине в 1922 г., не покладая рук, отделял свои рассказы под моим глазом. Я отучал его от школьной грамматики, научил встряхивать фразу, переводя с искусственно-книжного на живую речь; перевертывать слова и разлагать слова — перевертывать, чтобы выделить и подчеркнуть; разлагать — слова излучаются и иззвучиваются. Отвадка от глагольных и ассонансов: в прозе от них месиво, как гугня в произношении. О „щак“ и „вшак“ ничего тогда не говорили, сам сидел в них пб-уши» (Цит. по: *Ремизов А. Петербургский буерак. [Наборная рукопись] // РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 19. Л. 135*).

2

М. М. Шкапская — А. М. Ремизову

СПб. 30.01.22

Голубчик мой, ну и слава Богу, что Вы домой! Скорее бы только, да здоровый возвращайтесь, чтобы в чалме не ходить дома,¹ — ладно? А как зверуши Ваши обрадуются, вернувшись к себе домой. И я с ними вместе. Знаете, Алексей Михайлович, я ведь тоже вроде Ваших зверей, — слов у меня нет, а вот если бы хвост был большой, то виляла бы, знаете, так по-собачьи, со слезами на глазах. А язык мой человеческий — очень уж косноязычный. И муку мученскую терплю я от этого, — когда всю распирает, а сказать не умеешь. Я больше делать что-нибудь люблю. Д(олжно) б(ыть), из низшей я породы, из звериной, еще не все ступени прошла. И от этого меня к Вам — ведуну ласковому — так и тянет. Вы ведь тоже не совсем человек. У людей гнев и зависть в душе живут безотлучно, — а Вы вот такой по-звериному мудрый и ко всем терпимый и беззлобный.

Ходила я к Вяч(еславу) Як(овлевичу) по Вашим делам — «Весы человеческие» — остались у Вас в квартире и, вероятно, будут выручены скоро, а насчет «Слова» — он ничего не знает. Не у Якова ли Петровича?² Я спрошу, когда увижу.

Вы так и не получили своих книжек? Я послала их с верной оказией в Ревель, с тем же человеком, что Ваше письмо мне привез. Неужели не получили? М(ожет) б(ыть), они в Ревеле лежат?

У Равич³ я была, но она перевелась в Москву, а тем временем Шишков все устроил с Ионовым⁴ — тот обещает все Ваше вызволить и Вам переслать через Гринберга.⁵

Как Вам Эренбург⁶ нравится? Я его больше многих, других людей люблю, п(отому) ч(то) сердцем горяч, душой чист, а нравом неистов. Такой не обманет и не предаст.

Был у меня недавно Яков Петрович, говорили все о Вас и чуть не до слез договорились. Право, голубчик мой, так без Вас стало всем в Питере неудобно и неласково, что и сказать невозможно.

Крепко-крепко лапки Ваши жму.

Всем сердцем Ваша

М. Ш(капская)

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 3; автограф чернилами.

Данное письмо — ответ на следующее письмо С. П. Ремизовой с припиской А. М. Ремизова, датированное 2 января 1922 года: «Дорогая моя, хорошая моя Марья Михайловна! Спасибо Вам за письмо и за стихи, очень хорошие. А книжки все еще нет. Поздравляю Вас с Новым годом, дай Бог нам увидиться поскорее. Я, кажется, решусь написать Александре Андреевне, трудно ей писать, потому что не знаешь, что сказать, когда у человека такое горе, я ее очень, очень люблю. Сначала отвечу Вам на Ваши вопросы: мы оба тоскуем о России, и особенно я, у меня все бурнее бывает, я иногда ничего не могу делать, тоскую только, Ал(ексей) Мих(айлович), слава Богу, лучше себя чувствует физически, у него больше не болит голова — помните, как он лежал каждый день с завязанной головой. Еще он не окреп, слаб очень, но поправляется, и я думаю, что для сохранения жизни Ал(ексея) Мих(айловича) надо было уехать, и когда он поправится, мы хотим приехать домой, ему надо летом прямо регулярно полечиться. Мы — русские люди, и нам без России нельзя долго быть. Ал(ексей) Мих(айлович) начал писать большую вещь, там много моего, из моей студенческой жизни, будет, думаю, хорошо. Я приглашена ассистентом к профессору Lane — по славянской палеографии, — представьте себе, здесь в университете на славянском отд(елении) читается славянская палеография, так мне обрадовались, это и у нас мало кто знает, я с Нового года буду вести семинарий 2 раза в неделю. Профессор говорит по-русски хорошо, но как-то странно, и

по-славянски читает правильно на древнем языке, но опять как-то странно. Дом Искусств уже устроен, там иногда бывает очень интересно. А Вольфилу это еще не устроили, и там больше другие, хотя мы — тоже члены. Ваши стихи Ал(ексей) Мих(айлович) непременно отдаст напечатать. Хорошо было бы еще получить и от Нади. Какой гонорар получите, все Вам будет. Вы дайте мне испытать радость послать Вам посылку, я не послала до сих пор потому, что мы денег не получили, надеемся получить, и тогда я вышлю. А журнал посылку вместе с этим письмом заказной бандеролью. Если придут благополучно, еще пришлю — это денег стоит. Марья Михайловна, дорогая, у нас ведь несчастье большое, его Вам выписывает Ал(ексей) Мих(айлович) на отдельном листке. Если бы эти рукописи были у нас, можно бы было и теперь начать регулярно лечиться, Ал(ексей) Мих(айлович) получил бы деньги за них. А, кроме денег, ведь Вы понимаете, что это жизнь наша и эти мои письма. Просьба к Вам огромная: пройдите к Сарре Наумовне Равич. Мы ей посылаем письмо через Гринберга, где все ей описываем, пройдите, поговорите с ней насчет рукописей, все Вам А(лексей) М(ихайлович) выписал на листке, попросите ее устроить, расскажите, как это важно, и мы ведь уехали легально под своей фамилией, и напишите, что она скажет. Мы очень просим все наше переслать Гринбергу (...)

[Приписка А. Ремизова:] Дорогая Мария Михайловна! На отдельном листке выписываю реестр пропавших рукописей. Очень Вас прошу, пройдите к Сарре Наумовне Равич. Я ей пишу письмо, но надо изустно передать. Отвечаю вам на вопросы: когда я поправлюсь, обязательно поеду в Россию. Дом Искусств здесь основался и для того, ч(то)б(ы) собрать литер(атурные) силы, и для того, ч(то)б(ы) как-н(и)б(удь) помочь в беде здешней: очень нуждаются и может человек просто сгнить. Вольфила — отзук. Жизнь здешняя — это как ссылка (Рисунок Ремизова: зверек. — А. Г.). Надо большую мудрость, ч(то)б(ы) держаться самому-по-себе. Напишите.

1) весы человеческие хранит ли сибирский князь и б(ывший) атаман

2) не помню, оставил ли я кому или у Вяч(еслава) Я(ковлевича) литографир(ованное) изд(ание) Слова о полку Игореве Н. И. Каринского. Тут задумали издать Слово, и текст Каринского — (это изд. Археолог(ического) института Пб. 1915 или 1914). — так мне эта книжка нужна и сказать невозможно. Очень мне все трудно от слабости моей крайней, но голова уж не болит и еще написал я в память мою о Блоке: называется „К звездам“. Блоку и о нем и еще написал „Крюк“ — память о весне литературной 1920 г.* (РГАЛИ. Ф.2182. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 3—5, об.).

¹ Ср. в письме Ремизова А. Г. Глебову от 7 марта 1921 года: «Не могу, от головы погибаю, а голова от суеты — хожу как в чалме и это всю зиму» (РГАЛИ. Ф. 2503. Оп. 1. Ед. хр. 452. Л. 6).

² Гребенщиков Яков Петрович (1887—1935) — библиотекарь Публичной библиотеки, библиофил, один из самых преданных друзей Ремизова. Его памяти Ремизов посвятил статью-некролог «Яков Петрович Гребенщиков» (Последние новости. 1935. 9 мая. № 5159).

³ Равич Сарра Наумовна (1879—1957) — социал-демократка. После Февральской революции — член Петроградского комитета РСДРП (б). После Октября — на партийной и советской работе. В 1935 году репрессирована.

⁴ Ионов (наст. фамилия Бернштейн) Илья Ионович (1887—1942) — издательский работник, поэт. В 1920-е годы заведовал Петроградским отделением Госиздата.

⁵ Гринберг Захар Григорьевич (1889—1949) — с 1917 по 1922 год был членом РСДРП (б). После Октября — комиссар газеты «Новая Русь», член Государственного комитета по народному образованию, заместитель наркома просвещения Союза коммун Северной области. С февраля 1920 года — член коллегии Наркомпроса РСФСР. Позднее на педагогической и исследовательской работе.

⁶ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, журналист, мемуарист. Вспоминаю первую встречу с Ремизовым, «с которым (...) познакомился в 1922 году в Берлине. В мещанской немецкой квартире, в комнате, заставленной чужими вещами, сидел маленький сгорбленный человек с большим любопытным носом и с живыми, лукавыми глазами. Его жена, Серафима Павловна, хлопотливо подчевала гостей чаем. На письменном столе я увидел рукописи, написанные, вернее, нарисованные мастером каллиграфии. А на веревочках покачивались различные черти» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 411). См. также оценку Эренбурга в письме С. П. Ремизовой к М. Шкапской от 18 марта 1922 года: «Вы меня спрашиваете, как я отношусь к Эренбургу. Видите ли, Марья Михайловна, я знаю, что Вы с ним дружны, и потому мне как-то неловко говорить, что он мне не нравится, физически не нравится, как-то отталкивает. Здесь про него очень нехорошо говорят. Андрей Белый, например, его очень не любит, я стараюсь быть объективной и совсем не слушаю того, что о нем говорят, но он мне не нравится по виду, что у него зубов нет и что он весь в прыщах и еще что-то не нравится» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 7—7, об.).

3

М. М. Шкапская — А. М. Ремизову

Ленинград 5/Х 26

Дорогой Алексей Михайлович, передаю Ваш музей на днях в Пушкинский Дом и очень прошу Вас прислать для них опись каждого экспоната — я ведь этого не сумею сделать, а без такого сопроводительного документа они много утрачивают. Можете сделать это либо в мой адрес, либо непосредственно Модзалевскому¹ или Петру Митрофановичу Устимовичу (Ленинград, Пушкинский Дом, Тифлисская 2).²

У себя оставить его дальше я не рисковала, т. к. я почти дома не живу, скитаюсь по России,³ а без меня некому следить, вытирать пыль и убивать моль, зверушки стали портиться, и я боялась их загубить, да и думаю, что им место скорее в Пушкинском Доме, чем у частного лица.

Крепко жму Ваши руки

М. Шкапская

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; автограф чернилами.

¹ Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — историк русской литературы, член-корреспондент Академии наук, один из основателей Пушкинского Дома. С 12 мая по 1 августа 1925 года исполнял обязанности директора Пушкинского Дома.

² Ошибка. Надо: Тифлисская 1.

³ В конце 1925 года Шкапская пережила сильное душевное потрясение — самоубийство мужа, скончавшегося у нее на руках. Она сама была близка к суициду, решила отойти от литературы и занялась журнальной деятельностью, связанной с постоянными выездными командировками (подробнее об этом см.: *Бобель Авг.* «Зачатный час» Марии Шкапской // *Russland aus der Feder seiner Frauen zum femininen Diskurs in der russischen Literatur: Materialien des am 21/22 Mai 1992 im Fachbereich Slavistik der Universität Potsdam durchgeführten Kolloquiums.* München, 1992. S. 14).

4

А. М. Ремизов — П. М. Устимовичу

Alexei Révizov
120 bis Av. Mozart
5 Villa Flore
Paris XVIe

Алексей Михайлович
Ремизов
15.10.26
Paris

Многоуважаемый Петр Митрофанович

Прошу вас, примите мои игрушки в Пушкинский дом.

Понемногу я вам буду посылать карточки: на карточках будет рисунок и подпись. Нарисую все, что вспомню. Если некоторые игрушки погибнут, останется каталог.

Алексей Ремизов

[Вырезка автоиллюстрации к кн. «Учитель музыки» — «Парижский зализняк»] вот в этом роде будут изображения

моих чудищ
и размер такой

{ рогатых
крылатых
хвостатых
[подпись-анаграмма]

ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1—2; автограф чернилами, подпись и обращение — красными чернилами.

5

П. М. Устимович — А. М. Ремизову

Л(енинград) 19²⁵/_X26

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

Письмо Ваше получил. Ваш маленький музей я сейчас описываю и сдаю в Пушкинский Дом. Здесь он будет служить интересным окружением Вашего бюста,¹ поступившего к нам в музей в 1924 г(оду). О принятии музея П(ушкинским) Д(омом) Вы получите официальное сообщение. Ожидая Ваших интересных карточек, объясняющих Ваши чудища.

Вы бы меня очень обязали, если бы могли прислать несколько строчек, Вашей рукой написанных из «Посолони» (Костромушка, Петька Дотошный и Монашек).² Об этом просит моя жена, большая поклонница Вашего таланта (Наталья Сергеевна).

В субботу 30 октября у нас в П(ушкинском) Д(оме) Академии Наук состоится первое общее собрание членов только что народившегося общества друзей Пушкинского заповедника (Михайловского),³ задача которого помогать материально и научно заповеднику. Памятники природы⁴ сохранились в Михайловском, Тригорском и Святых горах удовлетворительно. Их надо спасти и сохранить во что бы то ни стало.

Искренне Вас уважающий

П. М. Устимович

Адрес:

Пушкинский Дом

Академии Наук

Вас. остров 1 Тифлисская улица 1.

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; автограф чернилами.

¹ Имеется в виду бронзовый бюст А. М. Ремизова работы В. В. Кузнецова (1911). Поступил в музей Пушкинского Дома в 1925 году из Государственного музейного фонда (И. 3363).

² Неточные названия сказок «Кострома», «Богомолье», «Монашек», входивших в первое издание книги Ремизова «Посолонь» (М., 1907).

³ Замысел организовать «Общество друзей пушкинского заповедника» возник в сентябре 1924 года в с. Михайловском. 7 июня 1926 года организационное собрание, состоявшее из 18 членов-учредителей, представило на утверждение Административного отдела губисполкома проект Устава Общества, утвержденный 6 октября 1929 года. «На первом общем Распорядительном собрании 30 октября (присутствуют 11 членов-учредителей) утверждены были действительными членами Общества 117 лиц, подавших заявления о желании вступить в Общество. На втором собрании того же 30 октября, в присутствии 65 членов, избрано было Правление Общества и Ревизионная комиссия. В Правление вошли: В. В. Вересаев (зам. предс.), А. П. Карпинский (предс.), В. Е. Максимов-Евгеньев, Б. Л. Модзалевский (зам. предс.), В. М. Никифоровский (секр. и казн.), С. Ф. Платонов, К. К. Романов (зам. предс.), В. П. Семенов-Тянь-Шанский, С. А. Семенов, П. М. Устимович, Т. Н. Черепнина, Н. В. Яковлев; кандидаты: Ф. П. Павлов, Л. И. Пумпянский, Д. О. Святский, Н. П. Черепнин; Ревизи-

онная комиссия: Н. В. Балаев, О. Э. Вольценбург, В. С. Преображенский, В. Ф. Соловьев, В. М. Федоров» (Отчет правления Общества друзей пушкинского заповедника о деятельности Общества за 1926—1927 гг. Л., 1928. С. 1).

⁴ В работе по организации Пушкинского заповедника Устимович уделял особое внимание увеличению природной охранной зоны. Так, в его «Отчете по командировке от 16 июня 1926 г.» Особому Совещению по Пушкинскому заповеднику при ЦБК специальные разделы посвящены проблемам парка и бора Михайловского и Тригорского. «Все лесное пространство, — отмечал Устимович в «Отчете», — рассматривается уже как парк, ни одно насаждение не может быть устранено без ведома органа, ведающего научно-художественную охрану» (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 30. Ед. хр. 48. Л. 28, об.).

6

А. М. Ремизов — П. М. Устимовичу

28.11.26

Многоуважаемый Петр Митрофанович!

Простите за такую медленность: я захворал (сердце у меня измучено глубокий невроз) теперь мне легче и вот вам монашек.¹ Будет скоро и Кострома и про Петьку.

Кланяюсь Наталии Сергеевне.

Стараюсь писать понятно, а то выходит так, что и разобрать нельзя.

Алексей Ремизов

Сделайте гнездышко

и поставьте: № 1, 2 прод(олжение) следует²

Alexei Remizov
120 bis Av. Mozart
5 Villa Flore
Paris XVIe

ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 3; автограф чернилами, подпись и обращение — красными чернилами.

¹ Имеется в виду беловой автограф «посолонной» сказки Ремизова «Монашек». Дата рукой Ремизова: «Paris 29.11.26» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 3).

² В фонде Ремизова в Рукописном отделе Пушкинского Дома имеется пять «паспортов» (рисунков с подписями и нумерацией) на игрушки. Подписи — рукой Ремизова, номера — рукой Устимовича: «№ 1. „Доремидошка” — „Любимое время: осень: любит гулять по желтым аллеям”»; «№ 2. „Калечина-Малечина” — „Посолонь”»; «№ 3. „Ягиный гребень” — „Бросишь: станет лес”»; «№ 4. „Вындрик-зверь” — „солнце с запада, вындрик с востока бежит под землей против солнца по весне отворяет подземные ключи”»; «№ 5. „Монашек”» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 43).

7

А. М. Ремизов — П. М. Устимовичу

5.12.26
Paris

Многоуважаемый Петр Митрофанович

Посылаю вам № 3, 4¹ и Кострому.² Понемногу я вам буду посылать. Мне хотелось бы послать больше, чтобы соединить в Музее и игрушки и рукописи и книги.

Кланяюсь Наталии Сергеевне.

Кострома вышла совсем ясной.

«Посолонь» переиздать³ у меня нет надежды
когда-нибудь сделаю 1 экземпляр

Алексей Ремизов

ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 4; автограф красными чернилами.

¹ См. прим. 2 к п. 6.

² Имеется в виду беловой автограф «посолонной» сказки Ремизова «Кострома». Дата рукой Ремизова: «5.12.26. Paris» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 4).

³ Последнее прижизненное издание «Посолони» вышло в свет в Париже в 1930 году.

8

П. М. Устимович — А. М. Ремизову

Л(енинград)д 19¹⁴/_{XII}26

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

Жена и я безмерно благодарим Вас за милую сказочку. Она так трогательна, особенно будучи прислана из такого далека от родины.

Весь Ваш музей — зверюшки и чудища — теперь уже описан. Опись составлена в трех экземплярах. Один сопровождает музей при его поступлении в Пушкинский Дом, другой пошлем Вам и третью копию передам Марии Михайловне.¹ Некоторые игрушки (напр(имер), у «Доремидошки» спинка распоролась) пришлось жене починить. На всех предметах поставим те номера, которые будут значиться на Ваших карточках. Начинаем с присланных Вами «паспортов» на «Доремидошку» и «Калечину-Малечину».

Ожидаем присылки дальнейших карточек. Вы обрадуете жену и меня, если побалуете еще сказочками. Не откажите передать Вашей супруге наш общий сердечный привет. Желаем Вам полного восстановления сил.

У нас все бело кругом под снежным саваном. Зима пока милостивая. Вчера наслаждался дивным солнечным (сквозь тонкий туман) днем в дебрях Екатерининского и Александровского парков в Детском (б(ывшем) Царском) Селе.² Там все насыщено Пушкиным и его музой. На днях уезжаю на несколько дней в Пушкинское—Михайловское. Там в девственном бору, разукрашенном снегом и инеем, восхитительно. Не могу не поделиться с Вами радостью по поводу хорошего народившегося дела — Общества друзей Пушкинского Заповедника. Вот Вам для сведения Устав и листовка.³

Искренне Вас уважающий

П. Устимович.

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; автограф чернилами.

¹ Имеется в виду М. М. Шкапская. Посланная ей копия описи не сохранилась.

² В конце 1926 года Устимович был командирован в Детское Село для описания, принятия на хранение и доставки в Пушкинский Дом рукописей, книг и музейных предметов из имущества М. В. Ухтомского (см.: Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 1. Л. 28).

³ После организации Общества в ноябре 1926 года было выпущено печатное обращение «От Общества друзей государственного заповедника „Пушкинский уголок“», призывавшее вступать в его члены и «организовывать общественную помощь заповеднику в возможно большем размере»; правление Общества находилось в Пушкинском Доме (экземпляр обращения см.: РНБ. Ф. 285. Ед. хр. 955). Также был опубликован Устав Общества, зарегистрированный Административным Подотделом Административного Отдела Ленинградского Губисполкома 6 октября 1926 года (экземпляр Устава см.: РНБ. Ф. 285. Ед. хр. 954).

Экземпляры Обращения и Устава сохранились также в фонде Ремизова (ЦРК АК. Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9); они были приложены к письмам Устимовича.

9

П. М. Устимович — А. М. Ремизову

Франция
France
Paris XVI
120 bis Avenue Mozart,
5 villa Flore

Алексею Михайловичу Ремизову
19-²³/_{XII}-26 Л(енинград)

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

«Костромушку» получили и сердечно благодарим. Упиваемся Вашим чудным сказочным языком. Получил и карточки за №№ 3, 4.¹

Список предметов Вашего музея переписывается в нескольких экземплярах и после 10/I будет Вам выслан.

29/XII выезжаю на 10 дней в заповедник Пушкина.² Предвкушаю наслаждение пейзажем леса в зимнем уборе.

Ждем от Вас дальнейших сказочек и карточек. После сильных морозов, доходивших до 20° по С, на днях начались оттепели. Хотелось бы, чтобы в Михайловском встретили меня морозы с инеем. Будьте здоровы. Привет Вашей супруге. Жена шлет сердечный привет и благодарит за сказочки.

Искренне Вас уважающий

П. Устимович.

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; автограф чернилами.

¹ См. прим. 2 к п. 6 и прим. 2 к п. 7.

² Устимович был в командировке в Пушкинском заповеднике с 29 декабря 1926 года по 9 февраля 1927 года. См. его «Отчет о поездке» (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 30. Ед. хр. 49. Л. 40—41, об.).

10

П. М. Устимович — Пушкинскому Дому

В Пушкинский Дом

Передаю при этом по воле Алексея Михайловича Ремизова и с согласия П(ушкинского) Д(ома) в собрания Дома небольшой музей, иллюстрирующий произведения Ремизова, им самим составленный и состоящий из предметов, перечисленных в прилагаемой описи.

Один экземпляр описи, и равно извещение о поступлении этого музейного собрания в Пушкинский Дом необходимо препроводить А. М. Ремизову по адресу: Paris XVI ar. 120bis avenue Mozart 120bis 5 Villa Flore 5.

Другой экземпляр описи с таким же извещением прошу направить Марии Михайловне Шкапской: Ленинград, Петрогр(адская) стор(она), II ул. Калинина (б(ывшая) Матвеевская) 11.

П. М. Устимович

А. М. Ремизов присылает из Парижа периодически им изготовленные карточки на предметы своего музея. Четыре такие карточки представляю и остальные буду направлять по мере поступления.

Л(енинград)

19 $\frac{1}{II}$ 27

Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 1. Л. 61; машинопись; подпись и дата — автографы П. М. Устимовича.

11

Пушкинский Дом — С. Ф. Ольденбургу

17 февраля 1927 № 129
Непременному Секретарю АН¹

Пушкинский Дом просит, в случае Вашего согласия, переслать прилагаемую при сем благодарность А. М. Ремизову по адресу: Paris XVI ar. Avenue Mozart 120bis Villa Flore 5.

Директор, Академик
Секретарь

(С. Платонов)²
(Б. Коплан)³

Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1(1926). Ед. хр. 1. Л. 80; машинопись; подписи — автографы.

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — ученый-востоковед, академик с 1900 года, непременный секретарь Академии наук (1904—1929).

² Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, специалист по Московской Руси, академик с 1920 года. С 1 августа 1925 года до 30 октября 1929 года — директор Пушкинского Дома. В ночь с 12 на 13 января 1930 года арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». 5 августа 1931 года выслан в Самару, где и скончался. В 1967 году реабилитирован. Подробнее см.: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

³ Коплан Борис Иванович (1898—1941) — литературовед, специалист по русской литературе XVIII века. В 1921 году окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. С 1919 по 1929 год — сотрудник, ученый хранитель, ученый секретарь Пушкинского Дома. Осужден по «Академическому делу». В 1931—1933 годах — библиотекарь в Мелекесе. С 1938 года — сотрудник Института языка и мышления АН СССР, член главной редакции Древнерусского словаря. Погиб в заключении. См. его характеристику в воспоминаниях Н. В. Измайлова: «Безграничная любовь и преданность Пушкинскому Дому была, кажется, основной чертой его характера и составляла смысл его жизни. Очень маленького роста, с большими черными глазами, он всегда был в работе, всегда радел об интересах Дома. Вскоре он стал его секретарем, сохраняя звание ученого хранителя, а так как *ученого* секретаря в П(ушкинском) Доме по штату не было, писался на бумагах „Ученый хранитель — секретарь“» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 11. Ед. хр. 141. Л. 11—12).

12

Пушкинский Дом — А. М. Ремизову

14 февраля 1927 г(ода) № 119

Алексею Михайловичу Ремизову

Пушкинский Дом с благодарностью извещает Вас о поступлении в собрания Дома Вашего небольшого музея, иллюстрирующего Ваши произведения, переданного по Вашему желанию П. М. Устимовичем.

При этом Пушкинский Дом препровождает Вам один экземпляр описи полученных от Вас предметов.

Директор, Академик
Секретарь, Ученый Хранитель

С. Платонов
Б. Коплан

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; машинопись, подписи — автографы.

ОПИСЬ ЗВЕРЮШЕК И ЧУДИЩ МУЗЕЯ А. М. РЕМИЗОВА¹

1. Баба-Яга Костяная нога (одетая кукла)
2. Куколка в татарской одежде, две косы, малиновая шелковая кофточка
3. Куколка в клетчатой юбке
4. Куколка-чертик (без одной руки)
5. Лук-самострел
6. Древесный гриб (нарост)
7. Древесный гриб (нарост)
8. Древесная ветка с наростом в виде лица
9. Черная уточка без ног
10. Древесный корень (узловатый)
11. Сапожок из алой материи на палочке
12. Зверек с головой резной из грецкого ореха
13. Сова деревянная
14. Древесный гриб (нарост) меньшего размера
15. Сова деревянная
16. Сучок
17. Красный заяц (из материи)
18. Деревянная вещица с надписью «караульщик мой 1916 окт(ября) 24»
19. Металлическая подставочка
20. Сучок древесный в виде птицы-удода
21. Две металлические трубочки на веревочке
22. Коричневая жаба с хвостом (из материи), брюшко розового шелка
23. Медведь из папье-маше с надписью на наморднике
24. Чертик зеленого цвета
25. Куколка-дама в платье
26. Кусочек дерева
27. Древесный корень (фигурный)
28. Белый зайчик (из материи)
29. Металлическая подставочка с крючком
30. Игрушка — тигр из папье-маше (поврежденный)
31. Цыпленок из ваты
32. Пара лаптей (маленьких кукольных)
33. Допотопный зверь из черной материи
34. Ковшик металлический
35. Игрушка деревянная (волк)
36. Два паука в паутине (веревочки)
37. Лоскутки пестрой материи
38. Змейка из материи с головой из граненого камня
39. Обезьяна из материи
40. Древесный гриб (нарост)
41. Древесный сучок
42. Заяц из гипса (ест морковь)
43. Черт черный (из материи)

44. Леший с большой бородой
45. Фигурчатый сучок деревянный
46. Древесный нарост с разрисованной мордой
47. Древесный нарост
48. То же
49. То же
50. То же
51. Куколка-мужичок с коробком в руке
52. Зверек из материи
53. Зверек из материи
54. Зайчик из материи (вытерт)
55. Черт черный бархатный
56. Черт из черного шелка (поврежден)
57. Птичка черная из материи
58. Древесный нарост разрисованный
59. Нарост с вырезанными тремя мордочками
60. «Свинка Брюхатка» — из папье-маше
61. Лисичка на зеленой подставке (папье-маше)
62. Лев (гипс)
63. Корешок (фигурный)
64. Корешок
65. Нога птичья
66. Зайчик из материи (вытерт)
67. Деревянный сапожок разрисованный
68. Кот (папье-маше) в колпаке
69. Сучок
70. Куколка — лесной человек с топором
71. Две кожаные туфельки (кукольные)
72. Остатки (крылышко, лапоть, головка зверя)
73. Баран полосатый с цветком на спине
74. Мышка из материи
75. Гриб — древесный нарост

Ленинград

14. XII. 1926 г(ода)

Научные сотрудники

Пушкинского Дома: (Е. Гиппиус²

и П. Устимович)

С подлинным верно:

Секретарь Пушкинского Дома

Б. Коплан

[Печать]

13. II. 27 г(ода)

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; машинопись, подписи — автографы.

¹ В Архиве РАН имеются две копии описи (Ф. 150. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 1): лл. 62—63 — рукописный экземпляр; заглавие: «Опись зверюшек [и игрушек] и чудищ А. М. Ремизова»; текст рукой П. М. Устимовича; лл. 72—73 — машинописная копия; номера 6, 8, 10, 14, 16, 20, 26, 27, 40, 41, 45, 46, 50, 58, 63, 64 помечены простым карандашом крестиками; после номера 75 приписка рукой Устимовича: «№ 76: Гномик из материи (коричневый)»; под текстом запись: «верно: П. М. Устимович».

² Гиппиус Евгений Владимирович (1903—1985) — фольклорист, научный сотрудник Пушкинского Дома.

13

Пушкинский Дом — М. М. Шкапской

17 февраля 1927 № 130

Марии Михайловне Шкапской

Пушкинский Дом препровождает Вам при сем один экземпляр описи¹ предметов небольшого музея, иллюстрирующего произведения А. М. Ремизова, переданного, по воле Ремизова, П. М. Устимовичем в Музей Пушкинского Дома.

Директор, Академик
Секретарь, Ученый Хранитель

(С. Платонов)
(Б. Коплан)

Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 1. Л. 79; машинопись, подписи — автографы.

¹ В архиве Шкапской оригинал письма и копия описи не сохранились.

14

А. М. Ремизов — Пушкинскому Дому

В Пушкинский Дом
Академии Наук

Приношу мою глубокую благодарность, что приняли и приютили моих зверюшек и чудищ
и реестр получил, спасибо

Алексей Ремизов

5.3.27
Paris

Alexej Révizof
120bis Av. Mozart
5 Villa Flore
Paris XVIe

ИРЛИ. Ф.256. Оп. 3. Ед. хр. 13 А; автограф чернилами, подпись — красными чернилами. Письмо фототипически воспроизведено в издании: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. Рис. 2.

15

А. М. Ремизов — П. М. Устимовичу

6.3.27
Paris

Многоуважаемый Петр Митрофанович!

Спасибо за реестр. Прилагаю теперешнюю мою карточку¹ для музейного реестра. Карточки зверюшек и чудищ понемногу рисую и скоро пошлю вам, а также из Посолони.

Эти два м(еся)ца очень были тяжелые: со всякими налогами: здесь очень строго. Кланяюсь Наталии Сергеевне и благодарю всех, кто помогал описывать игрушки

Алексей Ремизов

ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 5; автограф чернилами; инициалы обращения, дата, подпись — красными чернилами.

¹ К письму приложено фото Ремизова в домашнем интерьере с подписью и датой-автографом «Paris 6.7.26» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 6).

16

Пушкинский Дом — М. М. Шкапской, Е. Л. Овсянниковой

19 марта 1927 № 225

Марии Михайловне Шкапской
Елизавете Лазаревне Овсянниковой

Пушкинский Дом Академии Наук СССР приносит Вам благодарность за сохранение и передачу в Музей Дома собрания «зверюшек» и «чудищ» А. М. Ремизова.

Директор, Академик
Секретарь, Ученый Хранитель

(С. Платонов)
(Б. Коплан)

Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1926). Л. 121; машинописная копия; подписи — автографы; имена адресатов — рукой Устимовича.

17

П. М. Устимович — А. М. Ремизову

Франция France
Paris XVIme 120bis Avenue Mozart
5 Villa Flore
Mr Alexei Remizow
Алексею Михайловичу Ремизову
Л(енинград)д 19 $\frac{24}{III}$ 27

Ваше письмо с карточкой и заявление на имя П(ушкинского) Д(ома) я получил, многоуважаемый Алексей Михайлович, и оба приложения передал в Пушкинский Дом. Ожидаем карточки и отрывки из «Посолони». Ваши «зверюшки» слегка ремонтируются. Некоторые из них будут распределены возле Вашего бюста в нашем музее в отделе от Гоголя до Блока.¹ Привет Вашей супруге.

Искренне Вас уважающий

П. М. Устимович

Наши музейные барышни с особою любовью устраивают Ваших «зверюшек».

ЦРК АК; Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; автограф чернилами.

¹ Имеется в виду часть музейной экспозиции, развернутой в связи с празднованием 200-летнего юбилея Академии наук в 10 залах дома 2^a по Тучковой набережной. Заключительный раздел этой части назывался «Литература и общественность к. XIX—нач. XX в.» (см. черновик отчета Пушкинского Дома «10-летие Октябрьской революции»: Архив РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Ед. хр. 2. Л. 5). См. также воспоминания Н. В. Измайлова: «В доставшихся нам комнатах (...) был развернут литературный музей XIX (и немного XX) века послепушкинского времени: Лермонтов, Гоголь, 40-е—60-е годы, Тургенев, Гончаров, Достоевский и проч. (...) Тут, при развешивании этой новой экспозиции, обнаружилась вся

неразработанность методов построения литературного музея. Было много споров, делали разные попытки: материал — и портреты, и книги, иллюстрации и личные вещи писателей — прекрасный своей подлинностью, убедительностью, отбором. Но получалось как-то „академично“, слишком сухо, интересно для специалиста-литературоведа, но скучновато для массового зрителя» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 11. Ед. хр. 141. Л. 46).

18

А. М. Ремизов — П. М. Устимовичу

1.5.27
Paris

Многоуважаемый Петр Митрофанович

Спасибо вам большое за вашу книгу
о Пушкине.¹

Она для меня, как кусочек России: лежит на моем французском столе — «из России!»

Прилагаю два рассказа из Посолони и 4 карточки игрушек.²

Когда у вас будет полный каталог игрушек, хотелось бы мне сложить у вас все вместе: и архив писем,³ какие получил с 1902 г(ода) — 1921 (5 авг(уста))

Когда-нибудь интересно будет — литературный быт

I т.	1902—3—4	—	73	в рукопис- ном отделе- нии Пуб- личной Библиоте- ки	XII т.	1915	—	257	отдал в 1921 г(оду) в музей Дома Ли- тераторов на Бассей- ной
II т.	1905	—	82		XIII	1916	—	278	
III т.	1906	—	146		XIV	1917	—	202	
IV т.	1907	—	93		XV	1914—1918	—	135	
V т.	1908	—	100			(военные)			
VI т.	1909	—	69		XVI	1918	—	176	
VII т.	1910	—	103		XVII	1919	—	170	
VIII т.	1911	—	183		XVIII	1906—1914			
IX т.	1912	—	224			(открытки)			
X т.	1913	—	181		XIX	1920	—		
XI т.	1914	—	137		XX	1921	—		

и за границей собирал и храню.

Хочу вас попросить об одной книге: был бы вам очень благодарен, если бы нашли возможным прислать мне: это палеографический альбом Н. М. Каринского,⁴ вышедший в 1925 г(оду).

Кланяюсь Наталии Сергеевне и всем, кто хранит и ходит

за моими зверушками

с ними надо иногда разговаривать
они понятливые

Алексей Ремизов

ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 7; автограф чернилами; инициалы обращения и подпись — красными чернилами.

¹ Устимович П. М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина. Л., 1927.

² Имеются в виду беловые автографы сказок Ремизова «Змей» и «Богомолье». Дата рукой Ремизова: «1927, апр(еля) 28—30» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 27). Рисунки игрушек не сохранились.

³ Приведенный Ремизовым погодный перечень писем взят из его дневниковой записи 1920 года. Скорректировано лишь место их хранения, так как, согласно дневниковой записи, писатель предполагал передать все письма в Публичную библиотеку (см.: Ремизов А. Дневник 1917—1921 // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 489). В

начале 1920-х годов Ремизов хотел соединить обе части эпистолярия в одном архивохранилище при помощи Шкапской. В его письме Шкапской 1923 года приведен тот же перечень писем в двух архивах с просьбой к адресату: «Письма Блока и Гумилева — точно переписать. Том X—XXI следует соединить с теми первыми. *Все это достать из Дома Литераторов и приобщить в Публичную библиотеку* [Курсивом выделена помета Шкапской на письме Ремизова. — А. Г.]» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 9). В ответном письме от 22 марта 1923 года Шкапская сообщила: «Все, что было сдано Вами в Дом Литераторов — возвращено Шишкову, но писем он там не нашел. Им подано заявление Ионову о возвращении этих рукописей, вернее, папок с письмами, из библиотеки комсомола (или Истпарта, я точно не знаю), куда передана вся библиотека Дома Литераторов. По возвращении писем все будет мною и Вяч(еславом) Як(овлевичем) приобщено к первым томам в Публ(ичной) библиотеке (через Лозинского)» (ЦРК АК. Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 2. Папка 9). В итоге вторая часть эпистолярия Ремизова (из Дома Литераторов) поступила в Рукописный отдел Пушкинского Дома, где авторские альбомы писем были размонтированы и составили основу личного фонда писателя (Ф. 256).

⁴ В 1912 году С. П. Ремизова-Довгелло окончила петербургский Археологический институт; специализировалась на русской палеографии. С 1905 года этот предмет в институте преподавал Н. М. Каринский (см.: Памятная книжка Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге: 1878—1911. СПб., 1911. С. 15). Пособия Каринского были необходимы С. П. Ремизовой для преподавания русской палеографии в парижской Школе Восточных Языков. Имеется в виду книга «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. 68 фототипических снимков с древне-русских памятников, преимущественно XI в., на 29 табл. К печати подготовил и ввводную статью снабдил проф. Н. М. Каринский» (Л., 1925).

19

П. М. Устимович — А. М. Ремизову

Франция France
Paris XVI
112bis Rue de Mozart 112bis
5 villa Flore
Mre Alexej Remizow
Алексее Михайловичу Ремизову
Л(енинград) 19 $\frac{14}{V}$ 27

Заказной Ваш пакет, многоуважаемый Алексей Михайлович, с двумя автографами из Посолони и 4^{мя} карточками получил. Очень благодарим Вас за внимание и память. Весь архив Дома Литераторов, увы, погиб. Мы там нашли жалкие остатки, и Ваших рукописей и переписки не было и следа.¹ Очень хорошо будет, если Вы Ваш Парижский литературный архив передадите со временем к нам в Пушкинский Дом.

Альбом Каринского постараюсь раздобыть и Вам выслать. У нас ужасно запоздавшая весна. До сих пор деревья стоят голые и травы нет. Скот не выпускается. Сегодня только +3° при холодном дожде. Сегодня состоялось заседание комиссии из академиков по вопросу о передаче Академии Наук Пушкинского заповедника. Академия боится расходов и хозяйственно-административных затруднений. Но, кажется, на этот раз удалось сломить эти опасения и, кажется, мостик налаживается. Этому я очень рад, ибо заповедник вне Академии погибнет. Жена шлет привет. Прошу засвидетельствовать мое почтение Вашей супруге.

Искренне Вас уважающий

П. М. Устимович.

ЦРК АК. Фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 1. Папка 9; автограф чернилами.

¹ Архив Дома Литераторов (Ф. 98) поступил в Пушкинский Дом до 1924 года. О судьбе писем Ремизова см. прим. 3 к п. 18.

А. М. Ремизов — П. М. Устимовичу

Russie URSS
Leningrad
Monsieur P. Oustimovitch
Петру Митрофановичу
Устимовичу
Пушкинский дом
Академии Наук
В. О. Тифлисская, 1
Ленинград
25.5.27

Многоуважаемый Петр Митрофанович

Спасибо большое. Весь вечер просидел над альбомом.
И читал и списывал. Кланяюсь вам.

Алексей Ремизов

Вы пишете
«112 Av. Mozart», не 112, а 120 bis.

ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 8; автограф чернилами; инициалы обращения, начало письма и подпись — красными чернилами.